Пережить ночь

Автор:
Райли Сейгер

Пережить ночь

Райли Сейгер

Новый мировой триллер

Чарли практически не знает человека, сидящего сейчас за рулем, Джоша Бакстера. Они встретились в кампусе, каждый искал попутчика для долгой дороги домой, в Огайо, у обоих были веские причины уехать. У Чарли – чувство вины и горе из-за убийства лучшей подруги, которая стала третьей жертвой человека, известного как Убийца из кампуса. Для Джоша – по крайней мере по его словам – необходимость помочь больному отцу.

Но по дороге Чарли все больше замечает, что в Джоше есть что-то подозрительное, от странных пробелов в истории об отце, до просьбы не заглядывать внутрь багажника… На темном, извилистом шоссе Чарли все больше подозревает, что делит машину с Убийцей из кампуса. Джош действительно опасен? Или недоверие Чарли – всего лишь плод ее воображения, подпитываемого фильмами?

Одно можно сказать наверняка – Чарли некуда бежать и нет возможности позвать на помощь. Единственный способ победить – это пережить ночь.

Райли Сейгер

Пережить ночь

Всем удивительным людям – там, в темноте

Пристегните ремни безопасности. Это будет бурная ночь.

к/ф «Все о Еве»

Riley Sager

SURVIVE THE NIGHT

© 2021 byToddRitter

© Манучарова, М., перевод, 2021

©ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Проявление.

Парковка.

Полночь.

У черта на куличках.

История начинается с конца, как в великих фильмах в стиле нуар. Билл Холден – мертвый в бассейне. Фред МакМюррей делает последнее признание.

Круг замыкается. Как петля.

Автомобиль, закусочная, неоновая вывеска на стоянке превращается в разноцветные полоски в зеркале заднего вида, когда машина мчится прочь. В салоне находятся два человека – молодая женщина на пассажирском сиденье и мужчина за рулем. Оба смотрят через ветровое стекло на дорогу впереди,

растерявшись от непонимания.

Кто они?

Куда направляются?

Как они попали сюда, в этот самый момент времени? Незадолго до полуночи… В последние секунды вторника, 19 ноября 1991 года…

Но Чарли известно, что привело их на порог этого неопределенного нового дня. По мере того, как события кадр за кадром, словно кинопленка в проекторе, отматываются назад, она ясно осознаёт, как все произошло.

Она все знает, потому что это не кино.

Это здесь и сейчас.

Она – девушка в машине.

Мужчина за рулем – убийца.

И Чарли, пересмотревшая сотни подобных фильмов, абсолютно уверена, что только один из них доживет до рассвета.

Девять вечера

Интерьер. Комната в общежитии – день

Оставаться здесь было уже совершенно невыносимо.

Вот почему Чарли согласилась сесть в машину к совершенно незнакомому человеку.

Она пообещала Робби, да и себе тоже, что сбежит, если ситуация покажется ей подозрительной. Невозможно быть слишком осторожным. Только не в наши дни. Особенно после случившегося с Мэдди.

Чарли уже приготовилась к рывку, мысленно перечислила все возможные варианты, когда ей следует бежать. Если автомобиль будет выглядеть потрепанным и/или иметь тонированные стекла. Если в салоне будет кто-то еще, неважно, под каким предлогом. Если водитель будет слишком торопиться уехать или, напротив, станет чересчур медлить. Она поклялась Робби, себе, Мэдди (с которой до сих пор иногда разговаривала, хотя та уже два месяца лежала в могиле), что всего один укол предчувствия заставит ее вернуться обратно в общежитие.

Конечно, в душе она сомневалась, что до этого дойдет. Потому что он казался милым. Дружелюбным. Определенно не тот тип парня, который способен на то, что сделали с Мэдди и другими девушками.

Кроме того, он уже не чужой. Не совсем. Они уже встречались однажды, в общежитии кампуса перед райдбордом[1 - Доска объявлений в кампусе, куда студенты, желающие уехать домой, вывешивают свои листовки для тех, кто едет в том же направлении и готов подвезти их за стоимость топлива.], походящим на стену из листовок, приклеенных студентами, отчаявшимися добраться домой, и теми, кто жаждал отвезти их туда в обмен на деньги за бензин. Чарли как раз повесила свой собственный флаер – аккуратно отпечатанный, с тщательно вырезанными ярлычками с номером ее телефона, когда он появился рядом.

– Ты собираешься в Янгстаун? – поинтересовался он, переводя взгляд с нее на флаер и обратно.

Чарли помедлила с ответом. Привычка после произошедшего с Мэдди. Она никогда по своей воле не общалась с незнакомыми людьми. По крайней мере, никогда не делала этого раньше, чем поймет их намерения. Он просто болтал? Или пытался ее подцепить? Маловероятно, но все же не исключено. В конце концов, именно так она познакомилась с Робби. Когда-то она была хорошенькой,

до того, как вина? и горе вонзили в нее свои когти.

– Да, – в конце концов ответила она, после того как его взгляд, блуждавший по доске, убедил ее, что они здесь по одной и той же причине. – Ты туда же направляешься?

– В Акрон, – кивнул он.

Услышав это, Чарли замерла. Не совсем Янгстаун, но достаточно близко. Короткая остановка на пути к конечному пункту назначения.

– Пассажир или водитель? – уточнила она.

– Водитель. Надеялся найти того, кто согласится разделить стоимость бензина

– Я могла бы стать этим кем-то, – сказала она, позволив оглядеть себя, дав ему возможность решить, относится ли она к тому типу людей, с которыми он хотел бы провести наедине не один час. Она знала, какие флюиды от нее исходят. Хмурая суровость, из-за чего парни, возможно, посоветовали бы ей больше улыбаться, если бы она не выглядела способной ударить их за это. Обреченность и мрак нависали над ней как дождевая туча.

Чарли и сама тоже придирчиво рассмотрела его. Он выглядел на несколько лет старше обычного студента, хотя так могло показаться из-за его телосложения. Он был высокий, широкогрудый, с квадратной челюстью. В джинсах и университетской толстовке «Олифант» он напоминал Чарли то ли героя студенческой комедии сороковых годов, то ли злодея из фильмов восьмидесятых.

Она предположила, что он аспирант, как Робби. Один из тех людей, которые, прочувствовав вкус студенческой жизни, решили, что никогда не захотят покинуть кампус. У него были красивые волосы, и уж такой нюанс Чарли не могла не отметить, даже несмотря на то, что позволила своим собственным отрасти вялыми и тонкими. И великолепная улыбка, сверкнувшая, когда он произнес:

– Возможно. Когда ты собиралась уехать?

Чарли жестом указала на свой флаер, где в самом центре страницы разместились заглавные буквы:

СРОЧНО

Он оторвал язычок от нижней части листовки, оставив щель, которая напомнила Чарли о вырванном зубе. Эта мысль заставила ее содрогнуться.

Мужчина положил оторванный язычок в бумажник.

– Я подумаю.

Чарли не особо рассчитывала на положительный ответ. Была середина недели и середина ноября, до Дня благодарения оставалось целых десять дней. В такое время никто не стремился покинуть кампус. Никто, кроме нее.

Но вечером зазвонил телефон, и смутно знакомый голос на другом конце сказал: – Привет, это Джош. С райдборда.

Чарли, которая сидела в своей комнате в общежитии, уставившись на ту ее половину, которая когда-то была заполнена вещами Мэдди, а теперь смотрелась безжизненной и голой, позволила себе позабавиться, ответив:

– Привет, Джош с райдборда.

– Привет… – Джош сделал паузу, явно читая с клочка бумажки имя девушки, которой звонил. – …Чарли. Я просто хотел сказать, что могу поехать завтра, но только поздно. В девять вечера. Если захочешь, на пассажирском сиденье найдется место.

– Я беру его.

Вот и все.

Теперь «завтра» – это сегодня, и Чарли в последний раз оглядывает комнату в общежитии, в которую она, скорее всего, никогда не вернется. Ее взгляд медленно скользит по кругу, стараясь охватить каждый дюйм места, которое она называла домом в течение последних трех лет. Загроможденные столы. Кровати, заваленные подушками. Мерцающая гирлянда волшебных огней, которую Мэдди повесила на их первое Рождество и так и не удосужилась снять.

Золотой солнечный свет осеннего полудня струится в окно, придавая всему оттенок сепии и заставляя Чарли чувствовать одновременно радость и печаль. Ностальгия. Эта прекрасная щемящая боль.

Позади нее кто-то входит в комнату.

Мэдди.

Чарли слышит запах ее духов. «Шанель № 5».

– Какой отстой! – тянет Мэдди.

Меланхолическая улыбка играет на губах Чарли.

– Кажется, я в востор…

– Чарли!

Интерьер. Комната в общежитии – ночь

Звук голоса Робби из открытой двери буквально как щелчок пальцами разрушает все чары. В мгновение ока вся магия исчезает. Столы пусты. Кровати разобраны. Волшебные огоньки висят, только они уже нескольких месяцев как отключены. В окне Чарли видит не теплый солнечный свет, а четкий прямоугольник темноты.

Что касается Мэдди, то ее давно нет. От запаха ее духов не осталось и следа.

– Уже девять, – говорит Робби. – Нам пора идти.

Чарли еще мгновение стоит в центре комнаты, совершенно растерянная.

Как странно – как ужасно неприятно! – переходить от картины в мысленном взоре к суровой реальности. В этой комнате не осталось счастья. Сейчас она это понимает. Это просто коробка с белыми стенами, в которой хранятся воспоминания, теперь омраченные трагедией.

Робби наблюдает за ней с порога. Он знает, что только что произошло.

В ее голове вновь возник фильм.

То, что это никогда не беспокоило Робби, было одной из тех черт, которые она в нем любила. Он знал ее историю, знал про ее одержимости и все понимал.

– Ты приняла сегодня таблетку?

Сглотнув, Чарли согласно кивнула:

– Да.

– И все уложила? – Робби произнес это так, словно она уезжала не навсегда, а только на выходные.

– Думаю, да. Та еще работенка!

Она провела бо`льшую часть дня, раскладывая свои вещи в две кучи: «забрать» и «оставить». В итоге взяла очень мало. Только два чемодана со всей своей одеждой и коробку, наполненную сувенирами и ее любимыми видеокассетами. Остальное отправилось в короба, предусмотрительно расставленные в центре комнаты, чтобы охранникам было легче избавиться от всего этого, когда они поймут, что она больше не вернется.

– Ты можешь потратить на это столько времени, сколько тебе нужно, – предложил Робби. – Вовсе не обязательно уезжать сегодня вечером. И я все еще готов отвезти тебя, если ты подождешь до выходных.

Чарли понимала это. Но для нее ждать – даже несколько дней – было так же немыслимо, как и остаться.

– Теперь уж поздно отступать.

Она схватила свое пальто. Вернее, пальто Мэдди. Подарок ее бабушки, случайно оставленный, когда увозили остальные вещи. Чарли нашла его под кроватью подруги и присвоила. Этот винтаж – из пятидесятых – был нехарактерно театральным для Чарли, которая обычно предпочитала носить то, что позволяло сливаться с толпой. Сшитое из ярко-красной шерсти, с массивным воротником в форме крыльев бабочки, которые собирались вместе, когда Чарли застегивала его под подбородком.

Робби взял чемоданы, оставив Чарли коробку и спортивный рюкзак, который она использовала вместо сумочки. Она не стала запирать комнату. Это ни к чему. Ее последнее действие перед отъездом заключалось в том, чтобы стереть имена, нацарапанные маркером на белой доске, прикрепленной к двери.

Чарли + Мэдди

Слова оставили на ее ладони чернильное пятно.

Они уходят быстро и тихо, незамеченные другими студентками, живущими на этаже, большинство из которых собрались в гостиной с телевизором. Слышится пронзительный голос Розанны Барр, за которым следует сдержанный смех. И хотя Чарли никогда не понимала их одержимости телевизионными программами – зачем смотреть шоу, когда фильмы намного лучше? – сегодня вечером Чарли рада этому увлечению соседок. План состоит в том, чтобы избежать прощания. Несмотря на то что она очень сдружилась со многими девушками на своем этаже. Но все закончилось в тот момент, когда умерла Мэдди. Теперь лучше всего – просто исчезнуть. В одно мгновение здесь, в следующее – уже нет. Как Мэдди.

– Поездка пойдет тебе на пользу, – говорит Робби, когда они едут в лифте на первый этаж. Предательская глухота его голоса дает понять, что он в этом не

слишком уверен. – Просто тебе какое-то время нужно побыть подальше отсюда.

В течение трех дней после того как Чарли объявила о своем намерении покинуть университет, Робби продолжал упорно делать вид, что это ничего не значит для них как для пары. Однако несмотря на обещания быть верными друг другу и поспешно составленные планы – вроде того, что Робби приедет в Янгстаун во время рождественских каникул, – Чарли осознает реальность ситуации.

Их отношения закончились.

Не в том смысле, что теперь-наши-пути-расходятся. Определенно не в стиле Ретта Батлера: «Честно говоря, моя дорогая, мне наплевать»[2 - Фраза, произнесенная Реттом Батлером, персонажем фильма «Унесенные ветром», в ответ на слова Скарлетт: «Куда мне идти? Что мне делать?»]. Но Чарли понимала: что-то произойдет и разрыв станет неизбежным результатом. Она будет в двух штатах и в четырехстах милях отсюда. Он останется в «Олифанте», будучи (как выразилась Мэдди после первой встречи с ним) завидным уловом. Робби Уилсон, университетский математик-зануда и помощник тренера по плаванию, с подбородком Ричарда Гира и прессом Брэда Питта. Девушки уже кружат вокруг, стремясь занять место Чарли. Она может только предполагать, что одна из них в конечном итоге добьется успеха.

Но если это цена, которую необходимо заплатить, чтобы убраться отсюда, то пусть так и будет. Ей можно надеяться только на то, что никогда не придется пожалеть об этом.

Экстерьер. Здание общежития – ночь

Когда они вышли из лифта, вестибюль был пуст. Как и припорошенный снегом квадрат двора, который они пересекали по пути на парковку. Несмотря на приход зимы, некоторые окна верхних этажей были открыты, и оттуда доносились знакомые звуки университетской жизни. Смех. Писк одной из печально известных в «Олифанте» ненадежных микроволновых печей. Музыка играла громче, чем позволяли правила общежития. Чарли узнала песню. Siouxsie and the Banshees[3 - Британская рок-группа, образованная в 1976 году в Лондоне.]: «Kiss Them for Me».

Мэдди любила эту песню.

Они вышли со двора и остановились у тротуара; Робби бросил чемоданы рядом с уличным фонарем, где была назначена встреча.

– Полагаю, это здесь.

Чарли готовилась к очередному разговору, который они вели уже дюжину раз. Она уверена, что ей нужно уехать? Может, все-таки есть хоть малюсенькая вероятность, что она продержится до конца семестра?

Ее ответ каждый раз бывал одним и тем же. Да, она должна уехать. Нет, она не может ждать конца семестра. Было время, вскоре после смерти Мэдди, когда она думала, что такой сценарий возможен.

Больше нет. Теперь Чарли с глубокой уверенностью сознавала, что ей нужно убираться к черту из этого места.

Она перестала ходить на занятия, перестала общаться с друзьями, поставила крест на всех аспектах своей прошлой жизни. Словно нажала на тормоза своего существования. Теперь пришло время начинать двигаться, даже если это движение на самом деле не что иное, как бегство.

К его чести, Робби не стал предпринимать последней отчаянной попытки уговорить ее остаться. Чарли подозревала, что сильно измотала его. Теперь оставалось только одно – попрощаться с ним.

Робби наклонился, чтобы поцеловать ее, и крепко обнял. Заключенная в его объятья, Чарли ощущала себя виноватой за принятие решения, вызванное еще одним, совсем другим, куда более сильным чувством вины. Получилась русская матрешка раскаяния. Чувство вины, вложенное в чувство вины за разрушение ею того единственного, что пока уцелело.

– Мне очень жаль, – сказала она, удивленная заминкой в собственном голосе, которую ей пришлось проглотить. – Я знаю, это тяжело.

– Тебе гораздо хуже, – ответил Робби. – Я понимаю, для чего нужен этот отъезд. Мне следовало бы понять это раньше. Очень надеюсь, что время все расставит по местам, и, когда начнется весенний семестр, ты будешь готова вернуться ко мне.

Когда Робби посмотрел на нее своими огромными карими глазами, Чарли вновь испытала укол вины. Глаза Бэмби – так называла их Мэдди. Такие выразительные и душевные, что Чарли не могла не быть загипнотизирована ими при первой же встрече.

И хотя она подозревала, что первая встреча была, вероятно, самой заурядной, воспоминания о ней походили на эпизод классической романтической комедии. Это случилось в библиотеке: она – второкурсница, к середине семестра под завязку накачанная диетической колой и стрессом, а Робби – возмутительно красивый аспирант первого курса, просто искавший место, чтобы сесть. Он выбрал ее столик, за которым с комфортом расположились бы четверо и который был целиком захвачен ею и лежащими на нем книгами.

– Найдется свободное местечко? – спросил он.

Чарли оторвала взгляд от книги Полин Кэл, увидела эти глаза и просто оцепенела.

– Э-ээ… конечно…

Она не расчистила для него место. На самом деле она вообще не шевелилась. Просто смотрела. Так, что Робби провел ладонью по щеке и спросил:

– У меня что-то на лице?

Она рассмеялась. Он сел. Они стали болтать. Насчет промежуточных экзаменов. И жизни в колледже. И жизни в целом. Она узнала, что Робби, отучившись в «Олифанте», решил остаться в аспирантуре, чтобы стать профессором математики. Робби, в свою очередь, узнал, что родители Чарли трижды водили ее в кинотеатр на «Инопланетянина»[4 - Фильм Стивена Спилберга 1982 года, получивший четыре премии «Оскар».] и что она рыдала всю дорогу домой после каждого просмотра.

Они разговаривали до закрытия библиотеки. Продолжили болтать в круглосуточной закусочной за пределами кампуса. Они все еще болтали, когда в два часа ночи подошли к общежитию Чарли, и только тут Робби признался:

– Просто чтобы ты знала: на самом деле я не искал свободное место. Мне нужен был предлог, чтобы поговорить с тобой.

– Почему?

– Потому что ты особенная, – ответил он. – Я понял это в тот самый момент, когда увидел тебя.

Вот так неожиданно Чарли была сражена. Ей безусловно нравилась внешность Робби и то, что он сам, казалось, не придавал ей никакого значения. Нравилось его чувство юмора. Вызывал интерес тот факт, что ему было совершенно наплевать на фильмы, которые являлись для нее глотком свежего воздуха. Он был совсем не похож на одержимых «Крестным отцом» мужчин-мальчишек, которые окружали ее на занятиях по кино.

Какое-то время у них все складывалось хорошо. Даже замечательно. Потом Мэдди умерла, Чарли изменилась, и пути назад, к той девушке, какой она запомнилась ему в тот вечер в библиотеке, теперь уже не было.

Робби посмотрел на часы и объявил время. Пять минут десятого. Джош опаздывал. Чарли задумалась, оценивая, на какой уровень в спектре беспокойства тянула ситуация.

– Тебе не нужно ждать тут со мной, – сказала она.

– Но я хочу, – возразил Робби.

Чарли понимала, что она должна чувствовать то же самое. Это было бы правильно – хотеть провести с ним как можно больше времени, прежде чем они расстанутся. Но для нее нормальным являлось желание избежать поспешного прощания в присутствии совершенно незнакомого человека. Для нее «правильным» казалось печальное тихое прощание без посторонних глаз. Богарт сажал Бергман в самолет в финале «Касабланки»[5 - «Касабланка» (англ.

Casablanca) – голливудская романтическая кинодрама 1942 года режиссера Майкла Кертиса, с Хамфри Богартом и Ингрид Бергман в главных ролях.]. Стрейзанд проводила рукой по волосам Редфорда в «Какими мы были»[6 - «Какими мы были» (англ. The Way We Were, другие названия: «Такими мы были»; «Встреча двух сердец») – мелодрама режиссера Сидни Поллака 1973 года с Барбарой Стрейзанд и Робертом Редфордом в главных ролях.].

– Холодно, – сказала она. – Возвращайся к себе. Я знаю, что тебе завтра рано на занятия.

– Уверена?

Чарли кивнула.

– Со мной все будет в порядке. Клянусь.

– Позвони мне, когда доберешься домой, – попросил Робби. – Неважно, насколько поздно. И позвони мне с дороги, если найдешь таксофон. Дай мне знать, что ты в безопасности.

– Мы едем из Нью-Джерси в Огайо. Единственная опасность – умереть от скуки.

– Я не это имел в виду.

Чарли знала, потому что думала о том же, что и Робби. О том, что ни один из них не хотел озвучивать, потому что это разрушило бы их прощание.

Мэдди была убита.

Незнакомцем.

Тем, кто все еще там. Где-то. Вероятно, затаился, чтобы повторить это снова.

– Я постараюсь позвонить, – заверила Чарли. – Обещаю!

– Представь, что это один из тех фильмов, которые ты всегда заставляла меня смотреть, – сказал Робби. – Те, что с французским названием.

– Нуар? – спросила Чарли и удивленно покачала головой. Неужели после года свиданий она ничему его не научила?

– Ну да, один из них. Тебя держат в плену, и единственный способ спастись – это связаться с твоим обеспокоенным другом и сказать ему кодовую фразу.

– И какая же кодовая фраза? – с серьезным видом интересуется Чарли, подыгрывая, благодарная Робби за то, что он решил попрощаться именно так.

Не грустно.

Кинематографично.

– Ситуация приобрела неожиданный поворот.

Робби произнес это так, словно пытался подражать Богарту, но, по мнению Чарли, это больше походило на Джимми Стюарта.

– А если все будет хорошо?

– Все идет гладко, любимый.

На этот раз он действительно прозвучал как Богарт, и сердце Чарли слегка оттаяло.

– Я люблю тебя, – сказала она.

– Я знаю.

Чарли не могла сказать, являлся ли ответ Робби намеренной отсылкой к «Звездным войнам» или это была просто счастливая случайность. В любом случае сейчас это не имело особого значения, потому что он снова целовал ее, обнимал в последний раз и прощался по-настоящему, так же грустно, как и в

любом фильме. Боль в груди нарастала – острая боль, которая не отпустит Чарли всю дорогу домой.

– Ты по-прежнему особенная, Чарли, – произнес Робби. – Мне нужно, чтобы ты это знала.

Потом он ушел. А она продолжала стоять на обочине одна со своей коробкой и двумя чемоданами – ситуация, наконец, становилась реальной.

Она это делает.

Она действительно уезжает.

Через несколько часов она окажется дома. Возможно, посмотрит фильм с бабушкой Нормой и, вероятно, будет на пути к себе той, которой была раньше.

Чарли открыла рюкзак и достала флакон с оранжевыми пилюлями, который с сентября валялся на дне. Внутри флакона еще оставались крошечные таблетки, которые очень напоминали ей драже M&M’s, когда она их принимала. Пока она их принимала.

Она солгала Робби. Уже три дня как она перестала это делать, несмотря на обещание психиатра, который их выписал, что они избавят ее от фильмов, возникающих в голове. Они помогали. Но вместе с тем делали ее сонной и беспокойной, она постоянно колебалась между этими двумя крайностями. Результатом стали недели бессонных ночей и потерянных дней. Вампир. Вот во что превратили ее оранжевые таблетки.

Чтобы избавить ее от этого состояния, психиатр назначил маленькие белые таблетки, помогающие заснуть.

Те были еще хуже.

Настолько, что она давно избавилась от них.

Теперь пришло время попрощаться с оранжевыми. Она покончит с таблетками любого цвета.

Чарли сошла с тротуара, прошла несколько ярдов до ливневой канализации, вырубленной в асфальте, с наслаждением высыпала туда таблетки и с удовлетворением наблюдала, как они отскакивают от металлической решетки, прежде чем провалиться вниз, в темноту. Баночка из-под них отправилась в ближайший мусорный бак.

Вернувшись к коробке и чемоданам, Чарли плотнее закуталась в свое красное пальто. Ноябрьская ночь на стыке осени и зимы. Небо чистое, звезды яркие, а воздух настолько студеный, что невольно появлялась дрожь. Или, может быть, ее трясло от того, что она была одна на улице, в то время как убийца – на свободе.

Даже если бы она не сознавала опасность сама, ей напомнил бы об этом флаер «Вернем себе ночь»[7 - Международные акции протеста против изнасилований. Термин «Вернем себе ночь» впервые использовала Анна Прайд в 1977 году на мемориальных чтениях на митинге против насилия над женщинами в Питтсбурге.], приклеенный к стоящему рядом уличному фонарю. Листовки – это был прямой ответ на убийство Мэдди. Как и бдения при свечах. И приглашенные ораторы. И консультанты-психологи, которые явились в кампус, вооруженные брошюрами и благими намерениями.

Чарли избегала всего этого, предпочитая горевать в одиночестве. В результате она не испытывала страха, охватившего кампус в последние два месяца. Большую часть времени она проводила взаперти в своей комнате, и поэтому у нее не было причин бояться.

Однако теперь она ощущала холодное покалывание в области затылка. Не помогал и список правил, напечатанных на листовке, большинство из которых она в данный момент времени нарушала.

Никогда не выходи ночью одна.

Всегда ходите парами.

Всегда сообщай кому-нибудь, куда идешь.

Никогда не доверяй незнакомцу.

Последнее заставляло Чарли крепко задуматься. Потому что, как бы ей ни хотелось считать иначе, Джош был незнакомцем. Или будет таковым, если все-таки приедет. Чарли не носила часов и понятия не имела, сколько времени. Но она подозревала, что уже почти четверть десятого. Если он не появится в ближайшее время, у нее не будет иного выбора, кроме как вернуться в общежитие. Наверное, ей уже следовало бы это сделать. Черт, если верить флаеру «Вернем себе ночь», она вообще не должна быть здесь! Одна, на обочине с чемоданами и коробкой, она выглядела как человек, который явно собрался в поездку и о котором никто не станет беспокоиться в течение нескольких ближайших дней.

Поскольку ее потребность уехать значительно перевешивала страх, она осталась на месте, наблюдая за въездом на парковку. Довольно скоро на горизонте появилось свечение.

Фары.

Они устремились вглубь стоянки, прежде чем развернуться по широкой дуге и нацелиться прямо на нее. Она щурилась от их яркого света и смотрела под ноги, где тень, словно призрак, вытягивалась позади, поверх припорошенной снегом травы. Через секунду у тротуара припарковалась машина. Дверь со стороны водителя открылась, и появился Джош.

– Чарли, привет! – сказал он с застенчивой улыбкой, так же, как в первый день.

– Привет!

– Извини за ночную поездку, – продолжил Джош. – По-другому не получилось.

– Я не против.

За последние два месяца Чарли достаточно привыкла к темноте. По ночам она чаще всего бодрствовала до рассвета, отчасти благодаря своим таблеткам. Ее комната в общежитии освещалась только экраном телевизора.

– Ну что ж, ваша карета ждет. – Джош похлопал по крыше машины. – Не совсем лимузин, но доставит туда, куда нам нужно.

Чарли на мгновение задержалась, чтобы осмотреть машину. Сланцево-серый «Понтиак Гранд АМ» выглядел – по крайней мере, на ее взгляд, – далеко не рухлядью. Капот свежевымытый. Никаких явных царапин или вмятин. Определенно никаких тонированных стекол. Чарли заглянула на переднее сиденье, которое, к счастью, пустовало. На такой машине мог бы ездить ее отец, если бы он все еще был рядом. Безопасный автомобиль. Вероятно, надежный. Машина, созданная для того, чтобы сливаться с толпой.

Джош посмотрел на коробку и чемоданы у ее ног.

– Я не думал, что будет так много багажа. Ты планируешь уехать надолго?

– Надеюсь, не слишком, – ответила Чарли, хотя на самом деле думала иначе. И все же она тайно прислушивалась к своим ощущениям, пыталась найти желание вернуться, спрятанное где-то глубоко. И действительно, почему она не должна этого хотеть? Разве она не обязана ради Робби хотя бы попытаться вернуться на весенний семестр? Разве она не обязана самой себе?

Несмотря на то что Мэдди была причиной, по которой она все это делала, Чарли знала, что подруга не одобрила бы ее бегство.

«Ты ведешь себя как идиотка, дорогая!» – вот что сказала бы Мэдди о плане покинуть кампус.

– Хватит ли места для всего этого? – забеспокоилась Чарли.

– Более чем, – ответил Джош, быстро пошел к задней части машины и отпер багажник. Чарли схватила картонную коробку и понесла ее к открытому багажнику. Джош подлетел прежде, чем она успела приблизиться, забрал коробку, оставив Чарли только рюкзак.

– Я помогу, – сказал он.

Ее руки внезапно освободились, следующие несколько секунд Чарли наблюдала, как Джош загружал ее вещи. За этот короткий промежуток времени она заметила нечто странное в том, как он двигался. Вместо того чтобы укладывать все, стоя прямо за машиной, Джош располагался под таким углом, что его широкая спина заслоняла обзор, и Чарли не могла видеть багажник. Как будто внутри было что-то еще. Что-то такое, что ему не хотелось бы ей показывать.

Чарли подозревала, что это пустяки.

Она была уверена, что это пустяки.

Люди иногда делают странные вещи. Она – девушка, которая видит несуществующие фильмы, а Джош – парень, который странным образом загружает багажник своей машины. Конец истории.

Но потом, когда Джош повернулся, захлопнув крышку, она заметила еще одну странность. Более подозрительную, чем то, как он загружал чемоданы.

Джош был одет так же, как тогда у райдборда. Точно так же.

Те же джинсы. Та же толстовка. Его волосы были столь же красивы. Да, так одевались все студенты, это неофициальная униформа «Олифанта». Но Джош носил ее как будто бы с неудобством, как не слишком привычную одежду. Чарли улавливала в его образе что-то нарочито типичное, как будто его наняли в качестве статиста. «Типичный красавчик колледжа, второй выпуск».

Джош снова улыбнулся, и Чарли отметила, что это вышло у него абсолютно идеально. Улыбка звезды телешоу во всей красе. Она казалась сексуальной. Или… зловещей. Пока определиться точно Чарли еще не могла.

– Все поместилось, – сказал он. – Готова стартовать?

Чарли ответила не сразу. Она решала для себя, не являлось ли все это предупреждающими знаками. Багажник. Одежда. Возможно ли, что это именно то, что должно заставить ее развернуться и отправиться обратно в общежитие? Еще не слишком поздно. Она могла бы легко заявить Джошу, что передумала и что он должен просто вынуть ее вещи из багажника. Но вместо этого она

приказала себе перестать быть такой подозрительной. Дело не в Джоше. И не в его одежде. И не в том, как он загружал вещи в машину. Дело в ней и в том факте, что теперь, находясь на пороге отъезда, она внезапно начала искать причины, чтобы остаться.

На самом деле они имелись. Ей следовало получить образование. Она любила свою специальность. А еще это сделало бы Робби счастливым. Но будет ли счастлива она? Чарли так не думала. Она могла бы сделать вид, ради Робби. Продолжать двигаться по инерции, как делала это с сентября. И может быть – только может быть! – грозовая туча, под которой она жила, в конце концов рассеялась бы, и она смогла бы вернуться к нормальной студенческой жизни. Ну, почти нормальной. У Чарли имелось достаточно самосознания, чтобы понимать: она уже никогда не будет такой, как все остальные. Вокруг нее всегда была и всегда будет аура эксцентричности. И это нормально.

А вот что не было нормальным, по крайней мере для Чарли, так это внутреннее согласие оставаться в месте, где она была несчастна. Где все ежедневно напоминало о глубокой потере. Там, где воспоминания жалили и чувство вины накрепко засело внутри, и не проходило недели, дня или часа, в течение которых она бы не думала: «Я не должна была оставлять ее. Я должна была остановить его. Я должна была спасти ее».

Она посмотрела на Джоша, все еще терпеливо ожидавшего ответа.

– Готова, насколько возможно, – произнесла она.

Интерьер. «Гранд Ам» – ночь

Чарли училась вождению в машине, в которой позже погибли ее родители.

Училась под руководством отца, терпение которого истощалось с каждым поворотом на школьной парковке. Он настоял на том, чтобы Чарли занималась в автомобиле с механической коробкой передач, говорил, что тогда она сможет водить все что угодно.

Но механическая коробка передач сбивала ее с толку. Три педали вместо двух, как в машине ее матери, и последовательность шагов, которой необходимо было следовать. Эдакий незнакомый ей танец, про который она думала, что его нельзя освоить.

Левая нога на педали сцепления.

Правая нога на педали тормоза.

Нейтралка. Зажигание. Разгон.

Потребовался целый день практики, прежде чем Чарли смогла проехать один круг по стоянке без единой остановки из-за заглохшего двигателя и без скрежета шестеренок, от которого ее отца бросало в холодный пот. Прошли еще две недели, прежде чем она почувствовала себя по-настоящему комфортно за рулем темно-бордового «Шевроле Ситейшн». И как только это произошло, остальное усвоилось быстро. Развороты, параллельная парковка и слаломы меж дорожных конусов, которые ее отец одолжил у работавшего на стройке приятеля.

Она сдала экзамен на водительские права с первой попытки, в отличие от тогдашней своей лучшей подруги Джейми, которой потребовались три захода. После этого Чарли и ее отец отправились за праздничным мороженым: она за рулем, а он продолжал поучать, давая советы с пассажирского сиденья.

– Никогда не превышай скорость более чем на пять миль, – говорил он ей, – и копы тебя не побеспокоят. И даже если вдруг, то не за это.

– А если больше пяти? – спрашивала Чарли, дразня его мыслью о том, что она собирается стать демоном скорости.

– Прошу прощения? – произносил отец с хорошо знакомым ей с подросткового возраста выражением лица. – Ты хочешь пользоваться своими новыми правами?

– Да.

– Тогда води машину с соблюдением скоростных лимитов.

Когда Чарли переключилась на вторую передачу, ее отец, казалось, тоже переключился. Он откинулся на спинку сиденья и перевел взгляд с лобового стекла на боковое пассажирское.

– Твоя мать пришла бы в ярость, если бы узнала, что я буду тебе такое говорить, – продолжил он, – но дело в том, что иногда, в реальной жизни, избежать превышения скорости просто невозможно. Иногда единственный выбор – мчаться сломя голову.

И хотя в этот самый момент, когда они покидали кампус, Джош не мчался сломя голову, удерживая скорость на законных сорока пяти милях в час, Чарли была довольна. После двух месяцев застоя она, наконец, зашевелилась. Нет, это не изменит того, что произошло. Это, конечно, не изменит ее роли в случившемся. Но Чарли надеялась, что даже столь небольшое движение станет первым шагом на долгом пути к принятию и прощению. И когда они проезжали мимо ярко освещенной вывески университета «Олифант», она позволила себе насладиться чувством облегчения, которое практически окутывало ее, словно теплое объятие.

Хотя, возможно, это просто являлось заслугой обогревателя, прокачивавшего воздух через решетчатые дефлекторы на приборной панели. После долгого пребывания на холоде тепло и тот факт, что внутри машины было так же чисто, как и снаружи, успокаивали Чарли. Не было грязи на полу и упаковок из «Макдоналдса» под передним сиденьем, как в машине Робби. Салон даже пах чистотой, заставлял Чарли предположить, что Джош приехал сюда прямо с автомойки с полным спектром услуг. От мягкого кресла под ней поднимался аромат шампуня. К нему примешивался сильный, не совсем приятный запах сосны, обеспеченный освежителем воздуха в форме дерева, свисавшим с зеркала заднего вида. Дерево качалось, когда они сворачивали на главную дорогу, идущую параллельно университету, и посылало в сторону Чарли целую волну хвойной вони. Она сморщила нос.

Джош, разумеется, все замечал. Хотя его автомобиль ни в коем случае не походил на компактный, они находились в нем в непосредственной близости друг от друга. Все, что их разделяло там, – это только центральная консоль, внутри которой постоянно раздавался грохот мелочи и постукивание пластика по пластику. Джош правил левой рукой, переключая передачи правой. Его предплечье находилось в нескольких дюймах от предплечья Чарли.

– Извини за освежитель, – сказал Джош. – Он… э-э… мощный. Я могу снять его, если хочешь.

– Все в порядке, – успокоила его Чарли, которая сама не совсем верила, что это действительно так. Вообще-то она любила запах хвои. В детстве она прижималась лицом к каждой свежесрубленной рождественской елке и вдыхала ее аромат полной грудью. Но тут было что-то другое. Химические вещества, притворяющиеся природой. И Чарли очень хотелось опустить стекло. – Я уверена, что привыкну к нему.

Ответ удовлетворил Джоша, он кивнул, глядя вперед.

– Я подсчитал и думаю, что поездка займет у нас около шести часов, не считая пит-стопов.

Чарли уже знала это благодаря подобным поездкам домой. Путь до межштатной автомагистрали № 80 занимал полчаса, и все это по местной трассе, вдоль которой располагались магазины хобби, стоматологические кабинеты и туристические агентства. Как только они выедут на шоссе, пройдет еще около тридцати минут, прежде чем они пересекут Делавэр Вотер Гап[8 - Ущелье на границе американских штатов Нью-Джерси и Пенсильвания, где река Делавэр пересекает Аппалачи.] в Пенсильвании. После этого пойдет Поконос, за которым последуют часы ничего. Только поля, леса и однообразие, пока они не доберутся до Огайо и не направятся к Янгстауну. Когда Джош сказал ей, что они не смогут уехать до девяти вечера, она смирилась с тем, что вернется домой не раньше трех утра, а то и позже. У нее не имелось особого выбора.

– Можешь спать всю дорогу, если хочешь, – сказал Джош.

Возможность спать в пути Чарли не рассматривала. Джош мог казаться каким угодно дружелюбным и милым, но она планировала оставаться в сознании в течение всей поездки.

Всегда будь начеку. Еще один совет на сей счет из флаера «Вернем себе ночь».

– Все хорошо, – ответила она. – Я не против составить тебе компанию.

– Тогда я обязательно остановлюсь купить кофе, прежде чем мы выберемся на шоссе.

– Звучит неплохо, – согласилась Чарли.

– Вот и отлично, – кивнул Джош.

И все; похоже, больше поговорить им было не о чем. Их беседа заняла всего две минуты. Сидя в неловкой тишине, Чарли мучительно соображала, должна ли она что-нибудь сказать – что угодно! – для поддержания разговора. Она беспокоилась об этом с тех пор, как Джош согласился подвезти ее: как следует вести себя в машине с почти незнакомым человеком.

Она понимала, что в жизни все далеко не так, как в фильмах, где два посторонних человека, запертые в машине, находят бесконечные темы для разговоров, обычно приводящие либо к роману, либо к убийству. В реальном мире, если ты слишком много говоришь, ты раздражаешь. Если долго молчишь – ты невежлив.

То же касалось и Джоша. Собирая вещи, Чарли сперва волновалась, что он будет слишком болтливым, потом – что он вообще ничего не скажет. Молчание с незнакомцем отличалось от того, что она испытывала с Мэдди или Робби. С тем, кого ты знаешь и кому доверяешь, молчание не напрягает. С чужими людьми это могло означать буквально что угодно.

«Незнакомец – это просто друг, которого ты еще не встретил», – говорила Мэдди.

Ирония судьбы, учитывая, что из них двоих она отличалась большей субъективностью. Чарли была просто неловкой и застенчивой. Требовалось настойчивое подталкивание, чтобы выманить ее из скорлупы. Мэдди – ее полная противоположность. Общительная и артистичная, она быстро уставала от тех, кто не разделял ее склонности к театральности, не ценил ее. Вот почему они идеально сочетались: Мэдди выступала, а Чарли смотрела с обожанием.

– Ты не ее друг, – гневно произнес Робби после того, как однажды Мэдди отмахнулась от их совместных планов пойти на пивную вечеринку со своими друзьями из театра. – Ты ее аудитория!

Чего Робби не понимал (ну никак не мог понять!), так это того, что Чарли все сознавала и ей было все равно. Она охотно наблюдала за выходками Мэдди. Это придавало ее собственной спокойной жизни драйва, которого так не хватало. Чарли любила подругу за это.

Но теперь все кончено. Мэдди мертва. Чарли замкнулась. И поскольку она никогда больше не увидит Джоша после того, как они доберутся до Янгстауна, она не видела смысла превращать его из незнакомца в друга.

Как раз в ту минуту, когда она смирилась с тем, что проведет следующие шесть часов в неловком молчании, истошно пахнущем сосновым бором, Джош внезапно заговорил:

– Так что же такое в Янгстауне, куда ты так стремишься попасть?

– Моя бабушка.

– Здорово, – произнес Джош, понимающе кивая. – Семейный визит?

– Я с ней живу.

С годами она поняла, что такой ответ всегда требовал меньше объяснений, чем правда. Рассказ о том, что ее бабушка на самом деле живет в доме, который Чарли унаследовала от своих погибших родителей, обычно приводил к расспросам.

– Должен сказать, я не ожидал найти кого-то, кто разделит со мной поездку, – продолжал Джош. – Не так много желающих покинуть кампус. Не в это время года. И кажется, что у каждого есть автомобиль. Ты когда-нибудь замечала это? Автостоянки заполнены! Я удивлен, что у тебя нет машины.

– Я не вожу машину, – сказала Чарли, понимая, что это звучит так, будто она не умеет.

По правде говоря, после несчастного случая с родителями она просто не хотела садиться за руль. Последний раз она водила машину за день до их смерти. Когда три месяца назад срок ее водительских прав истек, она даже не удосужилась их

заменить.

Чарли не возражала против того, чтобы быть пассажиром. Она знала, что поездки неизбежны, точно так же, как и то, что может случиться всякое, независимо от того, сидит она за рулем или нет. Взять хотя бы ее мать. Та просто ехала рядом, когда отец Чарли внезапно свернул с шоссе в лес, убив их обоих на месте.

Никто не знает, что побудило его съехать с дороги, хотя версий предостаточно. Он пытался пропустить оленя. У него случился сердечный приступ. Что-то трагически пошло не так с рулевой колонкой.

Несчастный случай.

Все это Чарли твердили в течение нескольких недель после аварии, когда стало ясно, что она больше никогда не собирается садиться за руль. Происходят несчастные случаи, люди умирают, и это трагедия, но она не должна бояться автомобиля.

Никто не понимал – Чарли пугала не смерть в автокатастрофе. Оказаться виноватой – вот чего она больше всего боялась. Она не хотела причинить такую же боль, как ее отец. Если произойдет несчастный случай и погибнут люди, пусть даже вместе с ней, в этом не должно быть ее вины. Парадокс в том, что именно это и случилось сейчас: кто-то умер, Чарли ответственна за это, но вождение автомобиля тут ни при чем.

– Думаю, нам повезло, что мы нашли друг друга, – улыбнулся Джош. – Ты когда-нибудь до этого момента пользовалась райдбордом?

Чарли покачала головой.

– В первый раз.

Раньше ей никогда не приходилось этого делать. Бабушка Норма обычно отвозила ее в кампус в начале семестра и забирала, когда все заканчивалось. До того, как прошлой осенью у нее стало ухудшаться зрение. Она тоже перестала водить машину, и Робби взял все на себя. Единственная причина, по которой

Чарли не сидела сейчас в его «Вольво», заключалась в том, что он не смог найти себе замену на те два дня, которые понадобились бы ему, чтобы доехать до Янгстауна и обратно.

– Я тоже, – признал Джош. – Я шел туда, думая, что это пустая трата времени, а ты как раз приклеивала свой флаер. Чарли. Кстати, у тебя интересное имя. Это сокращение от чего-то?

– Да. От Чарльз.

Мэдди нравился такой ответ. Всякий раз, когда Чарли использовала его – обычно на какой-нибудь шумной, пугающей вечеринке, куда ее насильно затащили, Мэдди издевательски хихикала, а она была довольна собой за подобную придумку. Для Чарли это было дерзко. Так могла сказать, например, Барбара Стэнвик[9 - Американская актриса, модель и танцовщица, которая была особенно популярна в 1930-1940-х годах.] в какой-нибудь дурацкой комедии.

– Твое настоящее имя Чарльз? – удивился Джош.

– Это была шутка, – ответила Чарли, расстроенная необходимостью это объяснять. Барбара Стэнвик никогда ничего не объясняла. – На самом деле меня зовут просто Чарли, и это не сокращение. Назвали так в честь персонажа из фильма.

– Юноши?

– Девушки. Которую, кстати, назвали в честь ее дяди.

– Что за фильм?

– «Тень сомнения».

– Никогда не слышал.

– Альфред Хичкок, – объяснила Чарли. – Снят в сорок третьем году. В главных ролях Джозеф Коттен и Тереза Райт.

– Хороший фильм? – поинтересовался Джош.

– Очень хороший. К счастью для меня. Кому захочется, чтобы его назвали в честь персонажа из дерьмового фильма, верно?

Джош приподнял бровь и стал смотреть на нее, то ли впечатленный, то ли удивленный ее темпераментом. Эта вздернутая бровь красноречиво свидетельствовала о том, что Чарли слишком много болтает. Впрочем, такое случалось только в том случае, если речь шла о кино. Она могла молчать часами, но если кто-то упоминал знакомое название, слова начинали литься рекой. Мэдди как-то сказала ей, что фильмы – это ее версия коктейлей.

«Они действительно расслабляют тебя», – заметила тогда подруга. Чарли совершенно не возражала против этого, и именно поэтому вопрос о любимом фильме был единственным ледоколом в ее арсенале. Это мгновенно давало понять, сколько времени и энергии она должна потратить на человека. Если кто-то упоминал Хичкока, Форда, Альтмана или даже Ардженто, с ним, вероятно, стоило пообщаться. С другой стороны, если кто-то расхваливал «Звуки музыки»[10 - Фильм-мюзикл, снятый в 1965 году Робертом Уайзом.], Чарли знает, что лучше всего ретироваться.

Но Джош, похоже, не возражал против ее болтливости. Слегка кивнув в знак согласия, он сказал:

– Мне бы точно не хотелось. Это все равно что быть названным в честь серийного убийцы или что-то в этом роде.

– Я тебе коротко расскажу сюжет, – предложила Чарли. – Героиня – девушка по имени Чарли.

– Которую назвали в честь ее дяди, а тебя – в ее честь.

– Правильно. Она боготворит дядю Чарли, вот почему она так счастлива, когда он приезжает на несколько недель навестить ее. Но дядя Чарли ведет себя подозрительно, и – слово за слово – Чарли начинает подозревать, что ее дядя в действительности серийный убийца.

– И он на самом деле убийца?

– Да. Иначе это был бы не очень хороший фильм.

– И кого он убивает? – спросил Джош.

– Богатых вдов определенного возраста.

– Похоже, он – плохой чувак.

– Так и есть.

– Ему сойдет это с рук?

– Нет. Чарли его остановит.

– Так я и думал, – заверил Джош. – Судя по тому, как ты о ней рассказываешь, я догадался, что она отважная.

Чарли почувствовала легкий толчок от этого слова, в основном потому, что не была уверена, что когда-либо слышала, чтобы кто-то говорил в ее адрес подобное. Скорее она думала, что никто и никогда раньше не использовал подобный термин для ее описания. В течение всей жизни ее называли по-разному. Странной? Да. Стеснительной? Да. Сдержанной? Это правда. Но отважной – ни разу. И зная, что сейчас она ужасно трусит, Чарли чувствовала себя необъяснимо виноватой за то, что не оправдала репутацию, созданную ее тезкой.

– Это твое увлечение? – поинтересовался Джош. – Я про кино.

– Больше, чем просто увлечение, – не согласилась Чарли. – Фильмы – это моя жизнь. И моя специальность – теория кино.

– Учишься, как делать фильмы?

– Как изучать. Узнавать, как они живут. Понимать, что работает, а что нет. Ценить их.

Все это она говорила и раньше, в разное время. В первый год обучения – Мэдди, когда они оказались вместе в одной комнате общежития. Потом Робби – в тот вечер, когда они встретились в библиотеке. Да и вообще всем, кто готов на самом деле ее слушать. Чарли, по сути, была проповедником, несущим Евангелие от Кино.

– А почему фильмы? – спросил Джош.

– Потому что они способны представлять наш мир и улучшать его, – ответила Чарли. – Фильмы в этом смысле волшебны. Все преувеличено. Цвета ярче. Тени приглушеннее. Действия более жестокие, а любовные связи более страстные. Люди внезапно разражаются песнями. Ну или по крайней мере делали так раньше. Эмоции – любовь, ненависть, страх, смех – все гораздо сильнее. А люди! Все эти прекрасные лица крупным планом! Так красиво, что трудно отвести взгляд.

Она сделала паузу, понимая, что увлеклась. Но оставалась еще одна вещь, которую она хотела сказать. Ей нужно было сделать это обязательно.

– Кино – это как жизнь, – наконец произнесла она. – Только лучше.

Она намеренно опускала еще одну истину, которая заключалась в том, что в кино можно потерять себя.

Чарли узнала об этом в день гибели родителей, когда бабушка Норма приехала, чтобы остаться навсегда.

Авария произошла в субботу утром, в середине июля. Родители уехали пораньше, чтобы отправиться в сад с лужайками, расположенный через два города. Они еще достаточно долго будили ее, чтобы сказать, что вернутся к десяти.

Чарли в ту пору не придала особого значения, когда минуло десять, а они все еще не появились. Не волновалась она, даже когда дедушкины часы в гостиной

пробили одиннадцать. А через пятнадцать минут в дверях появился полицейский. Помощник шерифа Андерсон. Отец ее подруги Кэти. Однажды, в десятилетнем возрасте, она ночевала у Кэти, и на следующее утро мистер Андерсон испек им блины. Это было первое, что вспомнила Чарли, когда увидела его на пороге: как мистер Андерсон стоял у плиты с лопаточкой в руке и переворачивал блины диаметром с обеденную тарелку.

Потом она увидела в его руках шляпу. Заметила и серый оттенок его лица. И неуверенное топтание на придверном коврике. Тогда Чарли поняла, что произошло нечто ужасное.

Помощник шерифа Андерсон откашлялся и сказал:

– Боюсь, у меня плохие новости, Чарли.

Остальное она едва слышала, фиксировала только самые важные фрагменты. Несчастный случай. Шоссе. Погибли мгновенно.

К этому времени появилась миссис Андерсон, без сомнения приведенная в качестве поддержки. Она обняла Чарли и сказала:

– Есть кто-нибудь, кому мы можем позвонить, дорогая? Родственники?

Девочка всхлипнула, сказала, что есть бабушка Норма, а потом разрыдалась и не прекращала плакать еще несколько часов, пока та не приехала.

Норма была актрисой. Или пыталась ею стать. Как только ей исполнилось восемнадцать, она проделала стандартный путь до Голливуда на автобусе, как миллион других девушек из маленьких городков, которым сказали, что они хорошенькие или талантливые. У бабушки было и то, и другое. Чарли видела фотографии красивой брюнетки с фигурой Риты Хейворт и не раз заставала Норму поющей на кухне, когда та думала, что ее никто не слышит.

Чего не хватало юной Норме Харрисон, так это удачи. После года работы гардеробщицей и бесконечных прослушиваний, не продвинувшись ни на миллиметр к сцене мечты, она запрыгнула обратно в автобус и вернулась в Огайо немного более закаленной и очень униженной.

Но это не повлияло на ее любовь к кино. Или к картинам, как она до сих пор их называла, как будто была ходячим говорящим заголовком Variety[11 - Ведущий американский еженедельник, освещающий события в мире шоу-бизнеса.].

– Давай посмотрим картину, – предложила она Чарли в ту первую тяжелую ночь, когда они обе были слишком подавлены горем, чтобы что-то делать, и, совершенно шокированные, просто сидели молча.

Чарли совсем этого не хотелось. В то время она еще не была большой поклонницей кино, несмотря на то что всегда знала, откуда взялось ее имя. То было дело рук бабушки Нормы. Она питала слабость к Хичкоку и привила эту любовь матери Чарли.

– Тебе станет легче, – продолжила бабушка. – Поверь мне.

Чарли уступила и присоединилась к ней; лежа на диване, они смотрели старые фильмы всю ночь, до рассвета. Персонажи разговаривали грубо, курили и пили виски стакан за стаканом. Даже женщины. Убийства, обманы и взгляды украдкой, полные вожделения настолько, что щеки Чарли заливались краской.

Еще лучше были беглые комментарии бабушки, благодаря которым Чарли мельком увидела ее голливудские дни.

– Хороший парень, – сказала она об одном актере. – Но слишком много пьет.

– Однажды ходила с ним на свидание, – поведала она о другом. – Как по мне – уж слишком распускает руки.

Когда утреннее солнце следующего дня начало просачиваться сквозь жалюзи в гостиной, Чарли поняла, что бабуля была права. Ей действительно стало легче. Все эти бурлящие эмоции – боль, ярость, печаль, такая густая и вязкая, что она думала, будто утонет в ней, как в зыбучих песках, – на некоторое время оставили ее.

Также они смотрели фильмы до рассвета всю следующую ночь.

И следующую ночь.

И еще одну после той.

Когда Чарли осознала, что они используют кинематографическую фантазию, чтобы убежать от своей ужасной реальности, было уже слишком поздно. Она попалась на крючок.

В тот день, когда хоронили ее родителей, все казалось невероятнее, чем в жизни. Закрытые гробы бок о бок стояли в церкви в огромном пятне солнечного света, окрашенного витражами. Цветы в вазах позади взрывались яркой радугой, отлично контрастируя с одетыми в черное скорбящими, которые обмахивались из-за июльской жары веерами. Когда они собрались у могилы, небо буквально поражало своей пронзительной голубизной. Дул легкий ветерок, с которым доносились звуки евангельского хора. Внешне все было очень красиво, степенно и благочинно. Чарли испытывала огромнейшую печаль и в то же время какое-то внутреннее спокойствие. Она знала, что как бы тяжело ей ни было, она справится с этим.

После похорон она спросила бабушку Норму, знает ли она название гимна, который пел хор, когда гробы ее родителей опускали в землю.

– Что за гимн? – удивилась та. – И что за хор?

В тот момент Чарли поняла, что реальные похороны ее родителей сильно отличались от тех, что сложились в ее восприятии. Тогда же она поняла, что ее мозг все приукрасил, превратив в мысленный фильм. Изображения на пленке крутились на катушках, рассказывая чью-то печальную историю, чужую историю, и поэтому она смогла это вынести.

– Ты когда-нибудь думала о том, чтобы снимать фильмы? – поинтересовался Джош, возвратив ее к настоящему моменту. – Коли ты их так любишь.

– Почти нет.

Чарли рассмотрела это вариант лишь мельком, когда пыталась решить, куда ей следует поступить. Она подозревала, что гораздо больше удовольствия есть в созидании, а не разборе на составляющие. И вместе с тем боялась, что знание тонкостей производства фильмов разрушит магию, возникающую при их просмотре, а поскольку в ее жизни и так было мало этой самой магии, она не

захотела рисковать.

И это стало особенно верно теперь, когда Мэдди ушла.

Ушла.

Такое ужасное слово. Настолько однозначное в своей окончательности, что Чарли всегда становилось грустно просто от мысли о нем.

Мэдди ушла. Чтобы никогда не вернуться.

И виновата в этом сама Чарли.

Ее внезапно охватила глубокая тоска, как это случалось много раз за последние два месяца. Вместе с этим возникло чувство вины, столь тяжелое, что Чарли ощутила себя буквально прикованной к пассажирскому сиденью. Обе эмоции переполнили ее, да так, что она едва слышала, как Джош сказал: «Почему нет? Похоже на милую работенку».

– Мало ли милых работенок, – возразила Чарли. – Это не значит, что они мне нужны.

Она посмотрела направо, изучила свое отражение в боковом зеркале за окном. Огни приборной панели освещали ее снизу, бросали прохладный свет на воротник пальто, подчеркивали удачное сочетание его цвета с оттенком ее губной помады. Не то чтобы она могла увидеть, что они одинаково красные, – ночь и лунный свет делали все вокруг монохромным. Не черно-белым. Ничего контрастного. Тысяча оттенков серого.

– Чарли?

Интерьер. «Гранд Ам» – ночь

Чарли шумно выдохнула, смотря на себя в боковое зеркало и понимая, что все вокруг цветное, потому что, конечно, так и должно быть. Это реальный мир. Но на краткий миг Чарли перестала в нем жить. Она была где-то в другом месте.

– Это что сейчас было? – спросил Джош. – Ты начала отвечать на мой вопрос, а потом просто замерла.

– Серьезно?

– Ну да. Ты просто отключилась.

– Извини. Иногда со мной такое случается.

Слишком смущенная, чтобы встретиться взглядом с Джошем, она смотрела прямо перед собой. Пока, по его выражению, она была в отключке, пошел снег. Посыпались крупные хлопья, которые, падая на землю, выглядели фальшивыми. У нее возникли ассоциации с мыльной пеной на съемках «Этой прекрасной жизни»[12 - Фильм снимали в июле и снег имитировали с помощью мыльной пены, смешанной с противопожарной.]. Даже несмотря на то, что снег не покрывал дорогу, его уже было достаточно, и он прилипал к ветровому стеклу. Джош включил «дворники», которые усердно смахивали его.

– И часто такое случается? – поинтересовался Джош.

– Время от времени. – Чарли сделала неловкую паузу. – Иногда я… хм… вижу вещи…

Джош оторвал взгляд от дороги и поднял его на свою спутницу. В его глазах было больше любопытства, чем удивления.

– Какого рода вещи?

– Фильмы, – последовала еще одна пауза. – В своем сознании.

Чарли не понимала, почему она разоткровенничалась. Если бы ее спросили, она списала бы это на их чуть не вынужденный временный контакт. Они – два человека, закрытые вместе в полутемной машине, избегающие смотреть друг

другу в глаза и готовые провести следующие шесть часов в общем пространстве, а затем распрощаться и никогда больше не встречаться. Подобные ситуации располагают к общению. Они заставляют людей раскрывать то, что они, возможно, не рассказали бы своим самым близким друзьям. Чарли знала, что такое случается. Она видела это в кино.

Мэдди была первым человеком, которому Чарли поведала о фильмах в своей голове. Она призналась во всем на третьей неделе их первого курса, когда Мэдди поймала ее уплывающей куда-то на четыре минуты и двадцать шесть секунд. Она засекла время. После того как Чарли откровенно обо всем рассказала, Мэдди кивнула и произнесла:

– Это странно. Не буду врать. К счастью для тебя, я – фанат странных вещей.

– Это фильмы, которые ты смотрела раньше? – поинтересовался Джош.

– Новые. Те, что могу видеть только я.

– В смысле – ты грезишь наяву?

– Не совсем, – не согласилась Чарли, зная, что в мечтах мир становится туманным, расплываясь по краям. У нее все с точностью до наоборот. Все становится резче и отчетливей. Словно фильм, спроецированный на внутреннюю сторону ее век. – Это не «Тайная жизнь Уолтера Митти».

– Полагаю, это фильм?

– Ну, да. В главных ролях – Дэнни Кей, Вирджиния Майо и Борис Карлофф. – Чарли произносила имена актеров так же, как бейсбольные фанаты перечисляют показатели игроков. – По мотивам рассказа Джеймса Тербера. Речь идет об одном парне по имени Уолтер, у которого невероятно сложная, фантастическая жизнь. То, что происходит со мной… другое.

– Насколько другое? – продолжал допытываться Джош.

– Вместо того, что происходит на самом деле, я наблюдаю усиленную версию эпизода. Как будто мой мозг играет со мной злые шутки. Я слышу разговоры,

которые не происходят, и вижу вещи, которых на самом деле нет.

– Лучше, чем есть?

Чарли покачала головой:

– Более управляемые.

Она всегда думала об этом как о ви?дении сцен в широкоэкранном режиме. Не всех. Просто в определенные моменты. Трудные. Операторский стедикам[13 - Носимая система стабилизации съемочной камеры для кино- или видеосъемки в движении.], скользящий по неровным участкам ее жизни. Только когда она была вынуждена обратиться к психиатру, который прописал ей маленькие оранжевые таблетки, Чарли поняла, что на самом деле представляют собой фильмы в ее голове.

Галлюцинации.

Так их называл врач.

Она сказала, что это похоже на мысленный выключатель, срабатывающий в такие моменты, когда эмоции Чарли угрожают захлестнуть ее. На пике горя, стресса или страха в мозгу Чарли что-то переключается, заменяя реальность чем-то более кинематографичным и более легким для восприятия.

Чарли знала: то, что она только что пережила, было вызвано смесью вины, печали и тоски по Мэдди. С одной из этих эмоций она справилась бы сама. Возможно, она даже смогла бы справиться с сочетанием двух из них. Но сложить все три вместе, и – щелк! – тумблер в ее мозгу переключался, и в голове начинался фильм.

– Ты сказала, что слышишь и видишь вещи, которых может и не быть. – Джош явно проявил неподдельный интерес. – Мы говорим о людях?

– Да, иногда я вижу людей.

– Итак, ты можешь видеть кого-то или что-то, чего на самом деле не существует? – восхищенно уточнил Джош. – Или вести целый разговор, который реально не происходит?

– Да, могу. Кто-то говорит со мной, я отвечаю, и никто больше не слышит этого, потому что все это у меня в голове.

– И это происходит без предупреждения?

– Ага.

– Ты не можешь это контролировать?

– Не особо.

– Тебя это нисколько не беспокоит?

– Очень даже беспокоит, – возразила Чарли, не осмеливаясь сказать что-либо еще.

Раньше фильмы, возникающие в голове, никогда не волновали ее. Если уж говорить откровенно, она даже была благодарна за них. Они облегчали жизнь. Служили своего рода бальзамом, способным успокаивать жгучие эмоции. Кроме того, они никогда не длились очень долго и, конечно, никогда никому не причиняли вреда.

Пока один из них не сделал этого.

Теперь она никогда себе этого не простит.

Теперь она просто хочет, чтобы они исчезли.

– И что это за фильмы? – не унимался Джош.

– На самом деле все, что угодно. Я видела мюзиклы, драмы и фильмы ужасов.

– А что было минуту назад? Какой фильм крутился у тебя в голове?

Чарли мысленно возвратилась к своему отражению в боковом зеркале. В красном пальто Мэдди и с соответствующей помадой, которой определенно нет в реальной жизни, Чарли выглядела эффектно. Но она не была роковой женщиной. Эта роль всегда принадлежала Мэдди.

А Джош был красивым, но осторожным мужчиной за рулем, возможно, с прошлым. Эти двое могли быть кем угодно. Влюбленные в бегах. Брат и сестра, только недавно воссоединившиеся. Незнакомцы в темноте, которые по неизвестным даже им причинам отправились через всю страну безо всякого плана.

Что, в некотором смысле, являлось правдой.

– Нуар, – ответила Чарли. – Хотя и не классика. Нечто, выпускаемое студиями еженедельно. Солидный фильм категории «Б».

– Это прям конкретно странно, – подметил Джош.

Смущенно пожав плечами, Чарли ответила:

– Ничего не могу с этим поделать. Я так устроена.

– Что, если происходящее здесь и сейчас было бы фильмом? – спросил он. – Кто бы играл меня?

– Ты имеешь в виду, какой актер?

– Да.

– Из живых или умерших?

– Не имеет значения.

Чарли откинулась назад и подняла руки, вытянув и сложив пальцы рамкой, как режиссер, снимающий кадр. Мгновение она изучала Джоша. Не только его лицо, которое, несомненно, было красиво, но и характерные особенности. Он грозный, сильный, слегка неуклюжий. Все это в сочетании с его приятной внешностью напоминало только одного человека.

– Марлон Брандо, – выдохнула Чарли.

Джоша передернуло:

– Ох!

– Молодой Марлон Брандо, – быстро добавила Чарли. – Брандо из «Трамвая»[14 - Речь о фильме «Трамвай “Желание”», снятом в 1951 году, где Брандо сыграл главную мужскую роль.]. Ну, знаешь, когда он был красавчиком.

– О, так ты считаешь меня красавчиком? – Джош, довольный, немного картинно выпятил грудь.

Чарли покраснела.

– Я не это имела в виду.

– Слишком поздно, – засмеялся Джош. – Ты это уже произнесла и не можешь взять свои слова обратно. Мне нравится быть тем Брандо. Сейчас он какой-то толстый и сумасшедший, верно?

– Кое-что из этого, возможно, ждет и тебя.

– Очень смешно, – возмутился Джош. – А я собирался быть милым и сказать, кто, по моему мнению, должен сыграть тебя в твоем воображаемом фильме.

– Интересно. И кто же?

– Одри Хепберн.

Чарли продолжала краснеть. Ей говорили это раньше. Мэдди однажды сказала:

– Ты могла бы выглядеть как Одри, если бы захотела. У тебя такие широко распахнутые глаза, которые нравятся парням, нежные, как у оленя, крадущегося на цыпочках по лугу.

Чарли тогда ответила: «Олени не ходят на цыпочках». А Джошу теперь решила заявить: «Я удивлена, что ты знаешь, кто это такая».

– Зацени! – воскликнул он. – Я не полный болван. И да, правильным ответом было бы поблагодарить меня.

– Спасибо, – произнесла Чарли, чувствуя, как ее щеки снова заливает жар.

– Я собираюсь задать тебе личный вопрос, – предупредил Джош.

– Более личный, чем мое признание, что я вижу фильмы в своем сознании?

– Не настолько, – улыбнулся Джош. – Мне просто интересно, есть ли у тебя парень?

Чарли замерла, не зная, как реагировать. Джош явно флиртовал с ней, вероятно потому, что думает, будто она флиртовала с ним, хотя это вышло ненамеренно. Она не кокетлива, несмотря на то что ее учили лучшие. Мэрилин Монро. Лана Тернер. Лорен Бэколл.

Она знала: чтобы свистнуть, нужно просто сложить губы вместе и дунуть.

Она не понимала, почему кому-то хочется регулярно это пробовать.

Ее проблема, по словам Мэдди, заключалась в том, что она была одержима киношными мужчинами и при этом совершенно не знала, как вести себя с ними в реальном мире. Чарли соглашалась, что в этом есть доля правды. У нее подгибались колени при виде молодого Пола Ньюмана, но она оставалась холодна, встретив в реальной жизни кого-то, кто был хотя бы отдаленно так же красив.

Несмотря на неоспоримую химию, возникшую при знакомстве, ее первое официальное свидание с Робби получилось в лучшем случае неловким. Чарли изо всех сил старалась быть кем угодно, только не обычной странной собой, потому что считала, что это то, чего хочет Робби. Она попыталась сделать ему комплимент.

– Мне… хм… нравится рисунок твоей рубашки, – сказала она о надетой на нем простой полосатой рубашке-оксфорд и попыталась завязать светскую беседу. Через пятнадцать минут она сдалась.

– Кажется, мне пора? – сказала она, сформулировав это как вопрос, ища у него разрешения избавить их обоих от страданий.

Робби удивил ее, сказав:

– Пожалуйста, останься. Слушай, у меня тоже плохо получается.

В тот момент Чарли поняла, что, несмотря на свою привлекательную внешность, Робби столь же неуклюжий, как и она. Он болтал об уравнениях так же, как Чарли о фильмах. Он кротко улыбался и еще быстрее краснел. Его движения часто бывали нерешительными, словно он постоянно находился не в своей тарелке. Все эти качества оказались очень удобными. Робби был легок на подъем во всех отношениях. Он соглашался на любой фильм, который она хотела посмотреть, никогда не настаивал на сексе, и, когда они уже начали заниматься любовью, раз за разом говорил ей о том, как все здорово, хотя она знала: иногда это определенно бывало не так.

Если что-то и беспокоило Чарли, так это гнездившееся в глубине души знание: Робби ей не по зубам. Несмотря на дурачества, он все еще был золотым мальчиком. Красивый. Атлетичный. Умный. Его отец работал инженером, а мать – врачом. Оба были еще живы, чем Чарли похвастаться не могла. Она чувствовала себя неполноценной во всех отношениях. Гадкий утенок, который никогда не превратится в лебедя.

С ее неуверенностью было легче справиться, когда Мэдди была жива. Она всегда заставляла Чарли чувствовать себя если не нормальной, то хотя бы не более необычной, чем подруга. Это обеспечивало равновесие. Заурядный Робби с одной стороны, эксцентричная Мэдди, похожая на тетушку Мэйм[15 -

Эксцентричная героиня одноименной комедии (США, 1958 год).], с другой, а Чарли – четко посередине. Без Мэдди все это больше не работало. И неважно, что Робби изо всех сил старался облегчить ее горе, избавить от чувства вины и ненависти к себе, – Чарли знала, что это только вопрос времени: рано или поздно он поймет, что она недостойна такого внимания.

Решив бросить университет, Чарли посчитала, что окажет Робби услугу. В глубине души, однако, она понимала, что тем самым ускоряет неизбежное: разбивает сердце Робби, прежде чем он получит шанс разбить ее.

– И да, и нет, – произнесла Чарли наконец, давая самый неопределенный ответ на последний вопрос Джоша. – Я имею в виду, да, он есть. Технически. Но я не знаю, что ждет нас в будущем. Если у нас двоих вообще есть будущее.

– Я понимаю, о чем ты, – кивнул Джош.

– А как у тебя?

– Одинок, насколько это возможно.

– Трудно встретить своего человека, – понимающе произнесла Чарли.

– Я обнаружил, что это неправда, – не согласился Джош. – Встретить – легко. Удержать рядом – вот самая сложная часть.

За лобовым стеклом, в свете фар, снег валит еще гуще и быстрее. Словно звезды, пролетающие со скоростью деформации.

– «Жми, Чуи»[16 - Фраза из фильма «Звездные войны».], – спародировала Чарли.

Джош перевел «дворники» в ускоренный режим.

– О, я понял эту отсылку!

– Приятно узнать, что ты действительно посмотрел хотя бы один фильм.

– Я видел много фильмов.

– Что в твоем понимании «много»?

– Больше, чем ты думаешь. – Джош выпрямился на водительском сиденье и похлопал по рулю. – Порази меня еще одной цитатой. Держу пари, я смогу определить, из какого она фильма.

Чарли решила сначала быть с ним помягче и бросила с соответствующим прононсом:

– I’ll be back.

– «Терминатор», – отмахнулся Джош. – Перестань говорить мне очевидные вещи. Я не так несведущ в кино, как ты думаешь.

– Хорошо, – согласилась она, замолчала и задумалась. – «Тебе понадобится лодка побольше».

– Это «Челюсти», – сразу ответил Джош и самодовольно добавил: – Я смотрел его дважды.

– Дважды?! – притворно удивилась Чарли.

– Сколько же раз ты его смотрела, «Сискел и Эберт»[17 - Англ. Siskel & Ebert – телешоу, которое вели кинокритики Джон Сискел и Роджер Эберт.]?

– Двадцать.

Джош тихо присвистнул.

– Зачем тебе смотреть один и тот же фильм двадцать раз?

– Это шедевр, – ответила Чарли. – Настоящий вопрос в том, почему бы тебе не посмотреть его двадцать раз?

– Потому что жизнь слишком коротка.

Это была еще одна из любимых фраз Мэдди, которую она использовала всякий раз, когда ей нужно было уговорить Чарли сделать что-то, чего той делать нее хотелось. «Жизнь слишком коротка, чтобы не пойти на эту вечеринку», – говорила она. Поэтому Чарли шла туда, Мэдди быстро терялась в толпе, и чаще всего Чарли одна возвращалась в их комнату в общежитии и смотрела фильмы.

– Я тоже хочу привести тебе цитату, – сказал Джош.

– Гарантирую, что угадаю.

– Я бы удивился, если бы тебе это не удалось, – признал Джош и прочистил горло. – «Мы все иногда немного сходим с ума».

То, как Джош произнес фразу, буквально поразило Чарли. Прямо как электричеством. Крошечный щелчок у основания ее позвоночника. Она тысячу раз слышала, как ее цитировали, и всегда с нарочитым акцентом, всегда слишком много чрезмерной жуткости. Но Джош произнес эту фразу точно так же, как Энтони Перкинс: спокойно, буднично, как будто нет ничего особенного в том, чтобы признать безумие.

– Я что, поставил тебя в тупик? – изумился Джош.

– «Психо», – спохватывается Чарли. – Альфред Хичкок. Тысяча девятьсот шестидесятый год.

– Сколько раз ты его смотрела?

– Слишком много, чтобы сосчитать.

Это – один из ее любимых фильмов Хичкока, который она смотрела так же часто, как «Окно во двор», «Головокружение» и «На север через северо-запад». Она не видела его после убийства Мэдди и, возможно, больше никогда не увидит.

Она не была уверена, что сможет справиться со сценой в душе, с ее бешеными порезами и визжащими скрипками, хотя знала, что в качестве крови

использовали шоколадный сироп, а колющие звуки получили, вонзая нож в дыни кассаба[18 - Зимняя дыня.], и что Хитч ни разу не показал, как лезвие пронзает плоть. Все это не имело значения.

По крайней мере, когда она думала о судьбе Мэдди.

– Похоже, ты любишь свою специальность, – сказал Джош.

– Да, люблю.

– Тогда почему ты бросаешь университет?

– Кто сказал, что я бросаю учебу? – вспыхнула Чарли, раздражаясь на Джоша за его самонадеянность. И на себя – за то, что была такой прозрачной.

– Эти чемоданы и коробка в багажнике. Никто не собирает так много вещей только для того, чтобы ненадолго съездить домой. Особенно во вторник в середине семестра. Готов поспорить, за всем этим стоит какая-то история.

– Так и есть, – согласилась Чарли, явно ощущавшая, как росло ее раздражение. – И это не твое дело.

– Но ты бросаешь учебу, верно? – продолжил Джош. – Ты не станешь отрицать?

Чарли вжималась в сиденье и смотрела в окно, которое запотело из-за обогревателя машины и ее непрекращающихся разговоров о кино. Она провела пальцем по стеклу, рисуя четкую полосу, а затем призналась:

– Я и сама не знаю, что делаю. Наверное, решила передохнуть.

– Жизнь в университете слишком тяжела для тебя?

– Нет, – заверила Чарли, сделала паузу и ответила иначе: – Да.

Еще два месяца назад ей нравилось находиться в «Олифанте». Не самое модное учебное заведение, конечно. Не Лига Плюща[19 - Неофициальная ассоциация

восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Это название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах.] или Нью-Йоркский университет, или Беннингтон, или любое другое место, где она когда-то мечтала оказаться. На это не хватало денег, а Чарли была не слишком хорошей ученицей, чтобы заработать стипендию. Да, ей выделили немного денег. Но их было недостаточно.

Она остановилась на «Олифанте», потому что это было одно из немногих учебных заведений, которые они с бабушкой Нормой могли себе позволить. Небольшой гуманитарный университет в Нью-Джерси. Отделение кино приличное, если не сказать известное. Она планировала усердно заниматься, не высовываться, получить диплом, который позволил бы ей поступить в аспирантуру где-нибудь в месте получше, покрупнее и попрестижнее. Она мечтала, что в конце концов станет профессором в университете, похожем на «Олифант», и будет преподавать киноведение следующему поколению киноманов.

Чего она не планировала, так это то, что Мэдэлин Форрестер, в облаке сигаретного дыма и «Шанель № 5», в первый же день учебного года ворвется в их комнату в общежитии. Невыразимо прекрасная, Чарли сразу это отметила. Бледная, светловолосая, чувственная, с лицом в форме сердечка, которое напоминало Вивьен Ли из «Унесенных ветром». Хотя она казалась слегка помятой. Интригующее изнеможение. Как хмельная дебютантка, тащившаяся домой на следующее утро после котильона.

Стоя в дверном проеме, покачиваясь на трехдюймовых каблуках, она оглядела их общую комнату и заявила:

– Какой отстой!

Чарли сразу поняла, что Мэдди подражает Лиз Тейлор в фильме «Кто боится Вирджинии Вульф?», а еще Бетт Дэвис в фильме «За лесом». И все существо Чарли тут же зашипело, как треснувшая бутылка шампанского. Ей стало ясно – она только что встретила родственную душу.

– Кажется, я в восторге от тебя, – выпалила она.

Мэдди приосанилась:

– Этого следовало ожидать.

Ею легко было восхищаться. Мэдди говорила быстро, намеренно используя резкий акцент янки, чтобы вызвать ассоциации с Кэтрин Хепберн[20 - Ведущая актриса Голливуда.]. Она одевалась как светская львица пятидесятых, в отличие от остальных девушек в кампусе, носивших потертые джинсы, белые кеды и толстовки GAP под джинсовыми куртками. Мэдди предпочитала пастельные коктейльные платья. Белые перчатки. Шляпы-дот с тонкими вуалями. У нее даже был подержанный норковый палантин – весь в пятнах и со спутанным мехом, купленный на дворовой распродаже. На вечеринках она курила, используя мундштук для сигарет, размахивая им, как Круэлла де Виль. Сплошное притворство. Но Мэдди это сходила с рук, потому что она делала это не всерьез. В ее глазах всегда был огонек, который ясно давал понять, что она знает, насколько нелепо порой выглядит.

На первый взгляд они казались странной парой – гламурная девица и ее скромная симпатичная соседка по комнате, хихикающие по пути в обеденный зал. Однако Чарли знала, что у них очень много общего. Мэдди выросла в Поконосе, в низших слоях среднего класса, ее детство прошло в бежевом доме на ранчо на окраине маленького городка.

Она была очень близка со своей бабушкой, от которой, по ее же собственному утверждению, унаследовала свою дикую драматическую натуру. Ми-мо[21 - Бабуля (англ.).] – так она ее называла, что Чарли всегда считала странным, хотя «нэни Норма» тоже не совсем нормально. Первые четыре года своей жизни Мэдди провела с бабушкой. Ее отец-бездельник скитался по северо-западу, всячески стараясь избежать уплаты алиментов, а мать с завидным постоянством оказывалась в различных реабилитационных центрах.

Даже после того как ее мама бросила пить, Мэдди оставалась близка со своей ми-мо, звонила ей каждое воскресенье, чтобы узнать, как дела. Порой во время ужасного похмелья. Даже торопясь на вечеринку. Чарли отметила это, потому как чувствовала себя виноватой, что редко звонит нэни Норме просто поболтать, поинтересоваться самочувствием. Она связывалась только по необходимости. Слыша, как Мэдди спрашивает бабушку, как у нее дела, Чарли обычно представляла свою нэни, одиноко сидящую дома на диване, освещенную мерцанием какого-нибудь черно-белого фильма, идущего по телевизору.

А еще Мэдди и Чарли объединяла любовь к кино. Они вместе смотрели сотни фильмов, и Мэдди комментировала происходящее так же, как это делала нэни Норма.

– Боже, был ли когда-нибудь мужчина красивее Монти Клифта?!

Или:

– Я бы убила за такое тело, как у Риты Хейворт!

Или:

– Конечно, Винсент Миннелли был геем, но вы об этом ни за что не догадаетесь по тому, как он снимал Джуди Гарланд.

Как и Чарли, Мэдди преуспела в эскапизме, живя в придуманном ею мире, предоставляя остальным право решать, хотят ли они к ней присоединиться. Чарли охотно согласилась.

– Ты можешь рассказать мне, что случилось, если хочешь, – предложил Джош и сочувственно посмотрел на нее, пытаясь успокоить. – Я никому не скажу. И, черт возьми, не похоже, что мы еще когда-либо встретимся после этой поездки. В этой машине можно не хранить секреты.

Чарли так и подмывало рассказать ему все. Полумрак, тесное пространство, тепло – все это способствовало откровенности. Кроме того, она никогда не говорила об этом. Конечно, она кое-что поведала. Робби. Нэни Норме. Психиатру, к которому была вынуждена обратиться. Но далеко не всю историю.

– Ты когда-нибудь делал что-то плохое? – спросила она, пробуя эту тему, проверяя, правильно ли это. – Настолько плохое, что знаешь – ты никогда, никогда не простишь себя?

– Зло – в глазах смотрящего, – произнес Джош, затем отвернулся от лобового стекла, причем достаточно надолго, чтобы Чарли могла увидеть выражение его лица. Он снова улыбался, снова идеальной улыбкой кинозвезды. Только на сей раз она не доходила до его глаз, в которых не было ни капли веселья. Там не

было ничего, кроме темноты.

Чарли знала, что это всего лишь игра света. Или его отсутствие. Она предполагала, что ее глаза казались такими же черными и таинственными. Но что-то в темных глазах и яркой улыбке Джоша избавляет ее от желания признаться. Это больше не кажется правильным. Не здесь. Только не этому мужчине, которого она не знает.

– А как насчет тебя? – спросила она, меняя тему. – Что у тебя за история?

– С чего ты взяла, что она у меня есть?

– Ты тоже уезжаешь в середине семестра. Значит, ты тоже бросаешь учебу.

– Я не студент, – ответил Джош.

– Я так и думала.

Он ведь сказал ей, что он студент, или нет? Возможно, она сделала такой вывод из-за толстовки «Олифант», которая была на нем, когда они встретились. Той же самой, напомнила себе Чарли, которая и сейчас на нем.

Джош, очевидно почувствовав ее беспокойство, уточнил:

– Я работаю в университете. Вернее сказать – работал. Я уволился сегодня.

Чарли продолжала изучать его, пытаясь понять, насколько он на самом деле старше нее. По крайней мере, лет на десять. Может, на пятнадцать.

– Ты был профессором или кем-то в этом роде?

– Ну не столь высококлассным, – усмехнулся Джош. – Я работал в хозяйственном отделе. В основном занимался уборкой. Просто один из тех незаметных парней, которые моют коридоры. Возможно, ты видела меня и даже не осознавала этого.

Поскольку он, похоже, ждал этого, Чарли стала рыться в своих воспоминаниях, пытаясь вычислить, встречались ли они раньше. Вызвать в памяти его образ у нее не получилось, но это совсем не удивило ее. За последние два месяца она не выходила слишком далеко за пределы общежития и столовой.

– Как долго ты там работал?

– Четыре года.

– Почему уволился?

– Мой отец заболел, – сказал Джош. – Инсульт, несколько дней назад.

– О, – сочувственно протянула Чарли. – Мне очень жаль.

– Тут не о чем сожалеть. Неприятности периодически случаются.

– Но с ним все будет в порядке? Верно?

– Я не знаю, – пожал плечами Джош. Его тон был оправданно меланхоличен. – Надеюсь, что да. Мы не узнаем об этом еще нескольких недель. Больше позаботиться о нем некому, а это значит, что я возвращаюсь в Толедо.

Все тело Чарли внезапно напряглось.

– Акрон, – сказала она. – Ты сказал мне, что ты из Акрона.

– Правда?

– Да. Когда мы встретились у райдборда.

Поскольку тогда существовал наиболее реальный шанс для отказа, она запомнила все о том моменте. И уверена, что Джош специально сказал ей, что собирается в Акрон. После того, как узнал, что ей нужно добраться до Янгстауна.

Она прокручивала в голове тот первый разговор. Он бочком подошел к ней, заглядывая в ее флаер, видя ее пункт назначения, четко напечатанный на странице.

Мог ли Джош солгать о том, куда он направлялся? Если да, то почему?

Чарли могла придумать только одну причину – заставить ее согласиться сесть с ним в машину. Эта мысль заставила ее нервничать. Крошечные капли страха растеклись по ее зажатым плечам. Похоже на дождь. Первые несколько капель перед бурей.

– Теперь вспомнил, – сказал Джош и покачал головой так, будто у него никак не получалось поверить в свою рассеянность. – Я понимаю, почему ты в замешательстве. Я забыл, что сказал тебе про Акрон. Там живет моя тетя. Я забираю ее, и мы вдвоем едем к отцу в Толедо.

Это объяснение показалось достаточно простым. Вроде бы в нем не было ничего зловещего. Однако страх не покинул Чарли полностью. И пусть его осталось совсем немного, он застрял, словно лезвие, между ее ребер.

– Я не пытался ввести тебя в заблуждение, – продолжил объясняться Джош. – Клянусь. Мне жаль, если тебе так кажется.

Его голос звучал искренне. Он сам тоже казался искренним. Когда машина проезжала под мандариновым светом уличного фонаря, его лицо было освещено, включая глаза. Темнота, которую Чарли заметила раньше, исчезла. Ее место занял проблеск тепла, извинения, досады на то, что его неправильно поняли. Увидев это, она почувствовала себя виноватой за подозрительность. Как-то не очень – его отец только что перенес инсульт, а она сомневается в нем!

– Все в порядке, – успокоила его Чарли. – Я…

Она пыталась найти наилучшее объяснение. Напрасно беспокоилась? Прямо-таки параноик? И то, и другое?

Она знает, что дело не в том, что сказал Джош, не в том, как он одет или как он положил вещи в багажник. Причина ее беспокойства не в этом. Ее нервозность –

из-за случившегося с Мэдди и страха, что подобное может произойти с ней.

И даже не это главное. Существовала основополагающая истина, как сказала бы бабушка Норма. Истина, которая лежала под поверхностью, глубоко похороненная. Своеобразный фундамент для построения всей лжи, которую мы себе говорим. А для Чарли основополагающая истина заключалась в уверенности: она заслуживает того, чтобы с ней случилось нечто ужасное.

Но ничего не произойдет. Во всяком случае, не здесь. Не сейчас. Не в машине с кем-то, кто выглядит приличным парнем и просто пытается завести разговор, чтобы скрасить скучную поездку.

И снова Чарли почудилось, что Джош может читать ее мысли, потому что он сказал:

– Знаешь, я понимаю, почему ты так нервничаешь.

– Я не нервничаю! – ощетинилась Чарли.

– Нет, нервничаешь, – стал настаивать Джош. – Но все в порядке. Послушай, мне кажется, я понял, кто ты. Еще когда мы встретились у райдборда, твое имя показалось мне знакомым, но только сейчас до меня дошло почему.

Чарли ничего не ответила, надеясь, что это каким-то образом заставит Джоша замолчать, что он просто поймет намек и умолкнет.

Вместо этого он перевел взгляд с нее на дорогу, затем снова на нее и сказал:

– Ты та девушка, верно?

Чарли откинулась на спинку пассажирского сиденья и уперлась затылком в подголовник. Она ощутила легкую пульсацию там, где они соприкасались. Нарастала головная боль. Стало ясно – пришло время исповеди, готова она к этому или нет.

– Да, – говорит Чарли. – Я и есть та девушка. Та самая, которая позволила убить свою соседку по комнате.

Интерьер. «Гранд Ам» – ночь

В тот день Чарли не хотела никуда идти. Это было ее оправданием, почему она сделала то, что сделала. Пока она пыталась оправдать себя. До того, как поняла, что ее поступок непростителен.

Был вечер четверга, на следующее утро у нее был ранний урок кинематографии. Чарли ни в коем случае не хотела в десять часов идти в бар, чтобы посмотреть второсортную кавер-группу «Кьюр»[22 - The Cure – британская рок-группа, образованная в 1978 году.], и упорно отнекивалась. Но Мэдди все-таки настояла, чтобы подруга поехала.

– Без тебя будет совсем невесело, – щебетала она. – Никто, кроме тебя, не понимает, как сильно я их люблю.

– Ты же понимаешь, что на самом деле это не «Кьюр», верно? – поинтересовалась Чарли. – Это просто какие-то парни, которые научились играть «Песню любви» в гараже своих родителей.

– Но они действительно классные! Клянусь! Пожалуйста, Чарли, просто поедем. Жизнь слишком коротка, чтобы сидеть здесь взаперти.

– Хорошо, – вздохнула Чарли. – Хотя я очень устала. А ты знаешь, как я раздражаюсь, когда устаю.

Мэдди игриво швырнула в нее подушкой через всю комнату.

– Ты становишься абсолютным монстром.

Группа появилась на сцене около одиннадцати, в чрезмерно готической одежде, настолько, что это граничило с нелепостью. Фронтмен, стремясь походить на Роберта Смита, густо присыпал лицо белой пудрой. Чарли заявила, что это делает его похожим на Эдварда Руки-ножницы.

– Грубо, – отозвалась Мэдди. – Но – правда.

Через три песни Мэдди уже танцевала с каким-то подражателем Бон Джови в рваных джинсах и черной футболке. Спустя еще две песни они стояли спиной к бару и лизались. И Чарли, которая устала, проголодалась и была не настолько пьяна, все это надоело.

– Эй, я ухожу, – сказала она, похлопав Мэдди по плечу.

– Что? – Мэдди выскользнула из объятий целовавшего ее случайного парня и схватила Чарли за руку. – Ты не можешь уйти!

– Могу! – безапелляционно произнесла Чарли. – И я ухожу.

Мэдди цеплялась за нее, когда она выходила из бара, проталкиваясь через танцпол, заполненный студентами в бейсболках, студентками в топиках, преппи, укурками и одетыми во фланелевую одежду бездельниками с жесткими обесцвеченными волосами. В отличие от Мэдди, им было все равно, кто играет. Они пришли только для того, чтобы надраться.

А Чарли… ну, она просто хотела свернуться калачиком в постели и смотреть фильм.

– Эй, что происходит?! – возмутилась Мэдди, как только они вдвоем вышли из бара в переулок, где воняло рвотой и пивом. – Нам было весело!

– Тебе было весело, – парировала Чарли. – А я просто… присутствовала.

Мэдди полезла в сумочку – блестящий прямоугольник серебряных блесток, который она нашла в «Гудвилле» – в поисках сигареты.

– Ты сама в этом виновата, дорогая.

Чарли была не согласна с подобным заявлением. По ее подсчетам, Мэдди почти сотню раз притаскивала ее в бар, на кеггер[23 - Дикая пивная вечеринка.] или на вечеринку театрального факультета только для того, чтобы с порога бросить, оставив Чарли неловко стоять среди подобных ей интровертов и интересоваться

у них, смотрели ли они когда-нибудь «Великолепных Эмберсонов».

– Не была бы, если бы ты просто позволила мне остаться дома.

– Я пытаюсь помочь тебе.

– Игнорируя мои желания?

– Выдернув тебя из зоны комфорта, – сказала Мэдди и, не найдя сигареты, сунула сумочку под мышку. – В жизни есть нечто большее, чем фильмы, Чарли. Если бы не я, Робби и девчонки в общежитии, ты бы никогда ни с кем не разговаривала.

– Это неправда! – воскликнула Чарли, хотя про себя задумалась, так ли это. Она не смогла вспомнить, когда в последний раз имела что-то большее, чем беглую светскую беседу с кем-то за пределами учебной группы или замкнутого мирка их общежития. Осознание того, что Мэдди права, рассердило ее еще больше. – Я могла бы говорить с кучей людей, если бы захотела.

– И в этом твоя проблема, – проговорила Мэдди. – Ты не хочешь. Вот почему я всегда пытаюсь заставить тебя сделать это.

– А может, я не хочу, чтобы меня заставляли?!

Мэдди издала саркастический смешок.

– Это чертовски очевидно.

– Тогда перестань этим заниматься, – сказал Чарли. – Друзья должны поддерживать друг друга, а не пытаться перевоспитать.

Видит бог, она могла бы попробовать кое-что поменять в Мэдди. Взбалмошность. Театральность. Ее одежду, больше походившую на сценические костюмы, настолько устаревшую и нелепую, что порой люди закатывали глаза, когда она входила в комнату. Но Чарли не пыталась. Потому что она все это любила. Она любила Мэдди. И иногда – как в ту ночь – спрашивала себя, чувствует ли Мэдди то же самое.

– Я не хочу тебя перевоспитать, – возразила Мэдди. – Я просто хочу, чтобы ты немного пожила.

– А я, черт возьми, хочу домой! – возмутилась Чарли и сделала движение, чтобы уйти. Мэдди снова вцепилась в ее руку.

– Пожалуйста, не уходи. Ты права. Я притащила тебя сюда, а потом бросила, и мне очень жаль. Давай вернемся в бар, выпьем и будем танцевать до упаду. Я больше не оставлю тебя. Обещаю. Просто останься.

Возможно, Чарли сдалась бы, не продолжи Мэдди говорить. Возможно, она, как всегда, уже была готова простить и забыть. Но Мэдди глубоко вздохнула и сказала:

– Ты же знаешь, я не люблю ходить домой одна.

Чарли вздрогнула, по-настоящему вздрогнула, когда услышала это. Потому что это означало, что Мэдди продолжала, как обычно, думать только о себе. Дело было не в том, что она наслаждалась компанией Чарли или хотела вместе веселиться. Ей просто было нужно, чтобы кто-нибудь проводил ее пьяную задницу домой, когда вечеринка закончится. Чарли в одно мгновение подумала, что, похоже, Робби был прав. И Мэдди, скорее всего, не считала ее подругой. Возможно, Чарли была для нее всего лишь зрителем. Одним из многих. Тех, кто был достаточным слабаком, чтобы позволять Мэдди практически каждую ночь выкидывать любую ерунду, которая приходила ей в голову.

Кроме той ночи.

Тогда Чарли не позволила этому случиться.

– Я иду домой, – отчеканила она. – Ты можешь либо присоединиться ко мне, либо нет.

Мэдди сделала вид, что задумалась. Затем осторожно шагнула в направлении Чарли, даже слегка приподняла руку, как будто потянулась к ней. Но тут кто-то вышел из бара, и из открытой двери в переулок ворвались звуки музыки. Безбашенная версия «Just Like Heaven».

Услышав ее, Мэдди перевела взгляд на бар, и Чарли поняла, что подруга уже приняла решение.

– Ты – ужасный друг. Надеюсь, ты это знаешь, – сказала она Мэдди. Затем повернулась и зашагала прочь, не обращая внимания на крик Мэдди: «Чарли, подожди!»

– Отвали, – бросила она, не оглядываясь.

И это стало последним, что она сказала Мэдди.

Но то была не самая худшая часть ночи.

Отнюдь нет.

Худшее случилось через двадцать шагов, когда Чарли обернулась, надеясь увидеть, что, несмотря на перебранку и грубое слово, Мэдди следует за ней, изо всех сил пытаясь догнать. Вместо этого Чарли обнаружила подругу все еще стоящей за пределами бара, с выуженной, наконец, из сумочки сигаретой, в обществе мужчины, который, казалось, появился из ниоткуда.

Чарли не удалось толком его разглядеть. Он стоял, опустив голову, повернувшись к ней спиной. Единственной частью его тела, которую удалось увидеть, была левая рука, освещенная пламенем зажигалки Мэдди. Все остальное, от ботинок до шляпы, скрывала тень.

Эта шляпа – обычная федора, которую носили все мужчины, пока вдруг резко не перестали этого делать, – подсказала Чарли: что-то в этой сцене не так. На дворе 1991 год, никто больше не надевал фетровых шляп. Кроме того, все казалось слишком нарочитым, слишком стилизованным. Одинокий белый луч косо скользнул между Мэдди и мужчиной, разделив их на две отдельные части: Мэдди, залитая светом, и мужчина, окутанный темнотой.

Чарли решила, что это очередной фильм в ее сознании, вызванный ее размолвкой с Мэдди. Вместо того чтобы посмотреть, как сцена возвращается в реальность, как ей и следовало поступить, Чарли развернулась и пошла дальше.

И больше не оглянулась.

Когда Мэдди не вернулась в общежитие той ночью, Чарли предположила, что она переспала с кем-то из бара. Может быть, с фальшивым Бон Джови. Или с парнем в фетровой шляпе. Если он вообще существовал. У Чарли имелись сомнения на сей счет.

Беспокойство не возникало до полудня, когда Чарли вернулась с занятий и не обнаружила в комнате следов присутствия Мэдди. Чарли не могла не подумать о том дне, когда умерли ее родители. Как она оставалась спокойной, не представляя, что стала сиротой. Не желая, чтобы история повторилась, Чарли провела остаток дня, переходя из комнаты в комнату, спрашивая всех, не видели ли они Мэдди. Никто не видел. Следующим шагом Чарли было позвонить матери и отчиму Мэдди и узнать, не звонила ли она им. Нет, не звонила. Наконец, в полночь, ровно через двадцать четыре часа после их последней встречи, Чарли набрала полицию и сообщила о пропаже подруги.

Мэдди нашли рано утром на следующий день.

Велосипедист обнаружил ее во время своей ежедневной поездки, привлеченный необычным блеском посреди поля в девяти милях от города. То была сумочка, блестки на которой сверкали в лучах утреннего солнца.

Мэдди лежала рядом, уткнувшись лицом в грязь, мертвая по меньшей мере сутки.

Поначалу все – полиция, город, университет – надеялись, что это обычное убийство, как будто убийство может быть обычным. Преступление, которое легко раскрыть. Ревнивый бывший парень. Одержимый одноклассник. Что-то, что имело мотив.

Но многочисленные колотые раны, с которыми нужно было считаться… И тот факт, что ее запястья и лодыжки были связаны веревкой… И отсутствовавший зуб, верхний клык, который, как показали стоматологические записи, был на месте до убийства…

Именно зуб привел полицию к худшему выводу: Мэдди стала еще одной жертвой человека, который уже дважды совершал подобное. «Убийца из кампуса».

Чарли невольно восхитилась сдержанностью этого прозвища. Семь месяцев назад в кинотеатрах показывали фильм «Молчание ягнят», привнесший в поп-культурный лексикон клички Буффало Билл и Ганнибал Лектор. Вместо того чтобы придумать что-то в таком же болезненно-броском ключе, полиция предпочла простоту.

Он был убийцей.

Он бродил по кампусу университета «Олифант».

Он хватал женщин, связывал и убивал. Этого было достаточно для большинства людей, широкой публике даже не сообщали о пропавших зубах. Только семьям жертв была известна эта ужасная деталь. Чарли знала об этом просто потому, что была первым человеком, с которым полиция общалась после обнаружения тела Мэдди, и им нужно было сразу уточнить, имелся ли у убитой верхний клык. Детективы попросили ее сохранить это в тайне, и она никому не рассказала. Даже Робби. Она понимала, что копы не разглашают эту информацию, чтобы отличить случайную поножовщину от работы «убийцы из кампуса».

Чарли услышала это прозвище в тот день, когда приехала в «Олифант». «Убийца из кампуса» нанес очередной удар месяцем ранее, повергнув весь университет в паническое безумие, хотя жертва была горожанкой, а не студенткой. Инструктаж первокурсника включал урок самообороны. Свистки выдавались вместе с удостоверениями личности. В кампусе девушки никогда не гуляли в одиночку. Они двигались стаями – большими, многочисленными группы нервного хихиканья и блестящих волос.

Во время спонсируемых кампусом студенческих вечеринок или ночных бесед в гостиной общежития об убийствах говорили приглушенными голосами, как шепчутся у костра о городских легендах. Все знали имена жертв. Все утверждали, что как-то связаны с ними. Общий класс. Подруга друга. Встреча мельком на улице за две ночи до убийства.

Анджела Данливи погибла первой, четыре года назад, дождливой мартовской ночью. Она была старшекурсницей и работала неполный рабочий день в баре в центре города. Одно из тех мест, где официантки носят обтягивающие футболки в надежде, что парни из университета оставят больше чаевых. Она пропала вскоре после окончания рабочего дня и была найдена на следующее утро в лесу

на окраине кампуса с неизвестными на тот момент признаками работы «убийцы из кампуса».

Заколота.

Связана.

С вырванным зубом.

Не было ни зацепок, ни подозреваемых. Просто ужасное убийство, которое полиция по глупости приняла за единичное. Она сохраняла это убеждение полтора года, пока не была обнаружена вторая жертва. Тейлор Моррисон. Тело горожанки, убитой за месяц до приезда Чарли, нашли выброшенным на обочину ремонтируемой дороги в двух милях от университета. Она работала в книжном магазине в двух кварталах от «Олифанта», достаточно близко к кампусу, чтобы ее гибель можно было связать со смертью Анджелы Данливи.

Прошел год, убийства не повторялись, и люди облегченно вздохнули. Через два года люди успокоились еще больше, но занятия по самообороне не отменили. К началу следующего учебного года никто не бродил по кампусу группами, и про «убийцу из кампуса» почти забыли.

Затем убили Мэдди, и порочный круг начался заново. Только на этот раз Чарли была его частью. Второстепенный персонаж фильма с ужасающей главной ролью Мэдди. Она разговаривала со столькими людьми в дни, последовавшие за преступлением… Местные детективы. Полиция штата. Даже два агента ФБР – женщины с одинаковыми прическами – волосы собраны в строгие хвостики – и одетые почти одинаково, в шелковые блузки и черные блейзеры.

Чарли рассказала им все.

Они с Мэдди пошли в бар послушать кавер-группу. Нет, ей еще не исполнился двадцать один год, она призналась в этом, не колеблясь ни секунды. Мэдди – мертва. Ее убийца все еще на свободе. Никому нет дела до ее поддельного удостоверения личности. Да, они с Мэдди спорили у бара. Да, она ушла, хотя подруга умоляла ее остаться. И да, последнее, что она сказала своей лучшей подруге, действительно было – «Отвали». Осознание произошедшего заставило Чарли броситься в туалет полицейского участка, где она блевала в раковину.

Ей стало еще хуже, когда она вернулась к этим крутым агентам ФБР и они сообщили все, что было известно о последних минутах Мэдди.

Никто не мог вспомнить, чтобы видел, как Мэдди в тот вечер вернулась в бар.

Что двое вышли из бара через пять минут после ухода Чарли и увидели Мэдди, выходящую из переулка с мужчиной, хотя были в этом не слишком уверены, потому что он уже завернул за угол и они заметили только белую кроссовку.

Основываясь на времени ее смерти, власти полагали, что человек, с которым Мэдди вышла из переулка, и был ее убийцей.

– Я видела его, – пролепетала Чарли, ошеломленная осознанием того, что увиденное ею было вовсе не фильмом в ее голове.

Агенты ФБР выпрямились в своих креслах.

– Как он выглядел? – спросила одна из них.

– Я не знаю.

– Но вы его видели?!

– Я кого-то видела. Но это мог быть не тот мужчина, с которым ушла Мэдди.

Один из агентов бросил на нее взгляд, достаточно горячий, чтобы содрать обои.

– Вы либо видели кого-то, либо нет!

– Я действительно видела, – с трудом выдавила Чарли. У нее кружилась голова. Тошнота продолжала подступать к горлу. – И вместе с тем не видела.

Она понятия не имела, соответствует ли человек, который ей почудился, своему реальному образу. Фильмы в ее сознании иногда искажали вещи до такой степени, что они переставали быть узнаваемыми. Вполне возможно, персонаж, которого она видела, был собран ее воображением из кусочков дюжины самых

разных выдающихся мужчин. Частично Митчем, частично Ланкастер, частично Бертон.

Чарли битый час рассказывала о фильмах в своей голове. Как они работают. Когда это случилось впервые. Как часто того, что она видела, на самом деле не существовало, включая мужчин в темных переулках. Но даже после всего этого агенты настояли, чтобы она посидела с художником, надеясь, что изображение увиденного ею каким-то образом заставит ее вспомнить, что там было на самом деле.

Когда это не сработало, они попробовали гипноз.

Вновь неудача. Чарли отправили к психиатру.

В результате последовали тяжелые разговоры об убийстве Мэдди, смерти ее родителей, фильмах в ее голове. Затем появился рецепт на маленькие оранжевые таблетки, которые, как объяснили Чарли, избавят ее от видений.

Психиатр подчеркнул, что смерть Мэдди не была виной Чарли. Что мозг каждого человека своеобразен. Что он работает необычно. Он делает то, что делает, и Чарли не должна винить себя за то, что такое произошло.

Чарли не согласилась. Тем вечером она сознавала, что увиденное за пределами бара было фильмом в ее голове. Она могла бы подождать, пока он закончится, открыть истинную картину происходящего. Либо могла вернуться к Мэдди, извиниться и потребовать, чтобы они отправились домой вместе.

Но она просто повернулась и ушла.

Из-за этого она не смогла спасти жизнь Мэдди и не запомнила каких-либо идентифицирующих деталей о человеке, который убил ее. Если смотреть с этой точки зрения, во всем виновата Чарли.

Время шло. Дни, недели и месяцы.

В конце концов Чарли отрезала себя ото всех, кроме Робби и нэни. У нее даже не нашлось душевных сил, чтобы присутствовать на похоронах Мэдди, с чем никак

не могли смириться в общежитии, куда были заказаны два автобуса, чтобы отвезти их в глухомань, в штат Пенсильвания, на панихиду. Ее не оставляли в покое вплоть до момента отъезда, язвили, пытаясь вызвать чувство вины.

Я не могу поверить, что ты не поедешь!

Она была твоей лучшей подругой!

Я знаю, тебе будет тяжело, но это даст тебе шанс попрощаться.

Ты пожалеешь, если не поедешь!

Только Мэдди могла бы понять ее мотивы. Она знала о родителях Чарли и двойных похоронах, которые перестроили мозг, чтобы она смогла справиться с горем. Мэдди не хотела бы, чтобы подруга еще раз прошла через это.

Поэтому Чарли осталась. Решение, о котором она определенно не жалеет. Она предпочитала помнить Мэдди живой, смеющейся, в ее обычном театральном образе. Она хотела помнить Мэдди, одевшуюся под Лайзу из «Кабаре», чтобы пойти на занятия по статистике. Или помнить о прошлом Хэллоуине, когда они вдвоем отправились на костюмированную вечеринку в роли сестер Габор, а все решили, что они изображают Мадонну в «Дике Трейси», хотя обе говорили с нарочито венгерским акцентом. Чарли совершенно не хотела вспоминать Мэдди как безжизненную оболочку в гробу и ее лицо, окрашенное в оранжевый цвет слишком большим количеством посмертного грима.

Однако истинная правда состояла в том, что отказ от поездки на похороны подруги был проявлением трусости. Проще говоря, она не могла встретиться лицом к лицу с семьей Мэдди и их оправданным гневом. Телефонного звонка было достаточно – той истеричной стычки с матерью Мэдди, набросившейся на Чарли с такой жестокостью, которой могла обладать только скорбящая женщина.

– Ты его видела! Так говорят в полиции. Ты видела человека, который убил мою дочь, но не можешь вспомнить, как он выглядел?!

– Я не могу, – всхлипывала Чарли.

– Но, тебе, сучка, нужно вспомнить! – кричала мать Мэдди. – Ты в долгу перед нами! Ты в долгу перед Мэдди! Ты бросила ее, Чарли. Вы были вдвоем, но ты ушла без нее. Ты была ее подругой. Ты должна была находиться рядом с ней! А ты бросила ее с этим мужчиной. Теперь моя дочь мертва – и ты даже не можешь заставить себя что-то о нем вспомнить? Что ты за друг такой?! Что ты за человек?! Ты – чудовище! Вот ты кто!

Чарли ничего не сказала в свою защиту. К чему пытаться, если все сказанное миссис Форрестер правда? Она бросила Мэдди. Сначала при жизни, когда оставила ее у бара, а затем и после смерти, когда не смогла вспомнить ни одной характерной черты человека, который убил ее. Полагая, что мать Мэдди права, Чарли действительно считала себя ужасным человеком.

Так что день похорон Мэдди Чарли провела в одиночестве, просматривая разные фильмы Диснея. Она не ела, не спала. Она просто сидела на полу в комнате общежития, окруженная белыми пластиковыми футлярами из-под видеокассет.

Робби, который присутствовал на похоронах, сказал Чарли, что, возможно, ей все же следовало поехать. Что все было не так ужасно. Что гроб был закрыт, друг семьи спел «Где-то» из «Вестсайдской истории», и что единственный трагический момент случился у могилы, когда Мэдди опустили в землю. Вот тогда ее бабушка, охваченная горем, запрокинула голову и завыла в синеву сентябрьского неба.

– Я думаю, это помогло бы тебе, – сказал он.

Чарли не хотела подобной помощи и не нуждалась в ней. Кроме того, она знала, что со временем с ней все будет в порядке. Долго горевать может только сердце. Так сказала ей бабушка Норма через несколько месяцев после смерти родителей. Теперь Чарли знала, что это правда. Она все еще скучала по ним. Не проходило и дня, чтобы она не думала о них. Но ее горе, которое поначалу казалось таким тяжелым, что грозило ее раздавить, превратилось в нечто более легкое. Она предполагала, что то же самое произойдет и в случае Мэдди.

Не произошло! Боль, которую она чувствовала, по-прежнему была такой же душераздирающей, как в тот день, когда она узнала, что Мэдди мертва. И Чарли больше не могла этого выносить. Ни горе. Ни чувство вины. Ни косые сочувствующие взгляды, бросаемые на нее в тех редких случаях, когда она

ходила на занятия. Вот почему она покидала «Олифант». Несмотря на то, что знала: бегство с места преступления не заставит ее чувствовать себя менее виноватой. Тем не менее была надежда, что, вернувшись домой к бабушке и затерявшись в тумане старых фильмов и шоколадного печенья, она каким-то образом облегчит себе эту задачу.

– Я почему-то так и подумал, что это ты, – сказал Джош, выслушав, как жестко Чарли препарирует саму себя. – Читал о происшествии в газете. Я не знаю… ты хочешь поговорить об этом?

Чарли отвернулась к запотевшему окну.

– Тут не о чем говорить.

– Ты из-за этого бросаешь университет. Мне кажется, что поговорить есть о чем.

Чарли шмыгнула носом.

– Может быть, я не хочу говорить об этом.

– А я все равно собираюсь этим заняться, – продолжал настаивать Джош. – Во-первых, я сожалею о твоей потере. То, что случилось, ужасно. То, через что ты прошла и все еще проходишь, ужасно. Напомни, как звали твою подругу? Тэмми?

– Мэдди, – сказала Чарли. – Сокращенно от Мэделин.

– Точно. Так же, как Чарли – сокращение от Чарльза.

Джош, явно довольный собой за то, что обыграл ее шутку, бросил на Чарли беглый взгляд. Увидев, что каменное выражение ее лица не меняется, Джош продолжил:

– Они так и не поймали парня, который это сделал, верно?

– Нет.

Чарли слегка задрожала от осознания, что из-за нее человек, убивший Мэдди, не был пойман, возможно никогда и не будет пойман и может даже провести остаток своей жалкой жизни, наслаждаясь тем, как ему сошло с рук убийство. Причем сошло не один раз, а трижды.

Из того, что известно полиции.

На данный момент.

Мысль о том, что «убийца из кампуса» может нанести – и, скорее всего, нанесет – новый удар, вызвала еще одну страшную волну дрожи.

– Тебя беспокоит, что они так и не поймали его?

– Это меня злит, – сказала Чарли.

После того, как первоначальный шок и горе прошли, Чарли довольно быстро ощутила гнев. Она проводила бессонные ночи, кипя от того, что Мэдди мертва, а ее убийца жив, и от того, что это чертовски несправедливо. Порой она всю ночь, расхаживая по комнате, представляла сценарии фильмов категории «Б»[24 - Малобюджетный фильм.], в которых она мстила. В этих ментальных фильмах «убийца из кампуса» всегда был тем темным пустым местом в форме человека, которое она видела в переулке у бара, над которым она совершала все акты насилия, которые только могла придумать.

Стрельба. Удушение. Обезглавливание.

Однажды ночью в ее воображении возник фильм, в котором она ударила «убийцу из кампуса» в грудь и вырвала его сердце, которое лоснилось на кончике ее ножа, все еще продолжая биться. Но когда она посмотрела на тело, она увидела не пустоту в форме человека. Это был кто-то, кого она слишком хорошо знала.

Себя.

После этого случая Чарли задумала побег.

– Думаю, я бы волновался, – сказал Джош. – Я имею в виду, что он все еще там. Где-то. Он ведь мог тебя видеть, верно? Он может знать, кто ты, и в следующий раз попытается прийти за тобой.

Чарли снова задрожала, на этот раз сильнее, чем обычно. Она содрогнулась. Всем своим существом. Потому что Джош прав. «Убийца из кампуса», скорее всего, действительно видел ее. Вероятно, он даже знает, кто она такая. И хотя Чарли тоже его видела, она не узнала бы его, даже если бы он сидел рядом с ней.

– Я не поэтому ухожу из университета, – сказала она.

– Значит, это угрызения совести? – сделал вывод Джош. Чарли молчала, и он добавил: – Я думаю, ты слишком строга к себе.

– Зато я так не думаю.

– Тем не менее это так. Непохоже, что в случившемся есть твоя вина.

– Я видела его, – заметила Чарли. – И все же не могу опознать. Конечно, это ужасно. Это автоматически делает меня виноватой. И даже если бы я смогла опознать его…Все равно остался бы тот факт, что я бросила Мэдди. Останься я с ней, и ничего бы не случилось.

– Я не считаю тебя виноватой. И не осуждаю тебя. Но мне кажется, ты думаешь, что другие осуждают…

– Уверена, они так и делают, – перебила его Чарли, вспомнив о телефонном разговоре с матерью Мэдди, после которого она чувствовала себя опустошенной. Впрочем, это сохраняется и до сих пор – она ощущает себя «пустой, как футбольный мяч», если говорить словами Джимми Стюарта из «Окна во двор».

– С чего ты взяла? К тебе стали плохо относиться?

– Нет.

Более того, все были удушающе добры. Все эти девушки с заплаканными глазами, приходящие к ее двери с едой, открытками и цветами. Поступали предложения поменяться комнатами в общежитии, отправиться на групповые прогулки («Безопасность в количестве!»), присоединиться к молитвенному кругу. Чарли отклонила их все. Она не хотела сочувствия. Она этого не заслужила.

– Тогда, может быть, тебе стоит перестать корить себя за то, чего ты не можешь контролировать.

Чарли слышала все это раньше, буквально ото всех, кроме семьи Мэдди. И она устала от этого. Устала от разговоров, что ей надо чувствовать, что это не ее вина, что она должна простить себя. Так устала от всего этого, что теперь комок гнева буквально взорвался в ее груди, будто фейерверк, раскаленный добела и сверкающий. Подпитываемая его огнем, она оторвалась от окна и практически зарычала на Джоша:

– А может быть, тебе стоит заткнуться и не болтать о чем-то, что не имеет к тебе никакого отношения?!

Эта вспышка удивила Джоша, который был так поражен, что машина на несколько неприятных секунд завиляла по дороге. А Чарли совсем не удивилась, она всегда подозревала, что в какой-то момент подобный взрыв должен произойти. Она просто не думала, что это случится в автомобиле малознакомого мужчины, что ее голос прогремит в пахнущем хвоей салоне. Теперь, когда это случилось, она сидела едва дыша, потрясенная, ей было нестерпимо стыдно за себя. В какой-то момент она откинулась на спинку сиденья, внезапно почувствовав усталость.

– Прости, – произнесла она. – Я просто…

– …Долго держала это в себе. – Голос Джоша был монотонен. Выражение лица – невозмутимо. Чарли невольно задалась вопросом, чувствует ли он обиду, злость или страх. Все это было бы оправданно. Если бы они поменялись ролями, она бы спросила себя, что за психа посадила в свою машину?

– Я не имела в виду…

Джош остановил ее жестом.

– Давай просто не будем об этом говорить.

– Наверное, так будет лучше.

Следующие несколько минут они молчали. В повисшей тишине оба не сводили глаз с дороги. Снег прекратился. Внезапно. Как будто ее вспышка отпугнула его. Чарли знала, что так думать глупо. Он прекрасно понимал ситуацию – это был всего лишь короткий ноябрьский шквал, вот и прошел за считанные минуты, а она все равно чувствует себя виноватой.

В машине все еще было тихо, когда они проехали знак, сообщивший, что въезд на межштатную автомагистраль № 80 находится в двух милях. Сразу после этого был еще один указатель, на этот раз – 7-Eleven[25 - Оператор крупнейшей сети небольших магазинов в 18 странах под управлением Seven-Eleven Japan Co., Ltd.].

Последний магазин перед тем, как они въедут на хайвей.

Если, конечно, они сделают это вдвоем. После того, как она себя повела, Чарли не стала бы винить Джоша, если бы он бросил ее на обочине дороги и уехал. Но он вместо этого заехал на пустую стоянку 7-Eleven, припарковался у входной двери и, выключив двигатель, сказал:

– Я пойду за кофе. Тебе взять?

Чарли отметила его тон. Дружелюбный, но прохладный.

– Да, – ответила она таким голосом, словно разговаривала с профессором, который ей не нравится. – Пожалуйста.

– Какой ты пьешь?

– Молоко и двойной сахар, – сразу определилась Чарли и потянулась за своим рюкзаком на полу.

– Это за мой счет, – остановил ее Джош. – Я сейчас вернусь.

Он вылез из машины и поспешил в 7-Eleven. Через гигантскую витрину магазина Чарли видела, как он приветственно кивал кассиру – парню во фланелевой рубашке и зеленой вязаной шапочке. Позади него под потолком висел крошечный телевизор, транслировавший новости. Президент Буш на экране давал интервью Барбаре Уолтерс, а его седовласая супруга – вторая Барбара – сидела рядом с ним. Джош бросил мимолетный взгляд на телевизор, прежде чем двинуться к кофейному аппарату.

Чарли знала, что ей следовало пойти с ним. Это было бы вежливо. Сигнал, пусть и скудный, что она активно и охотно участвует в этом путешествии. Но у нее не было идей, как это сделать. Не имелось никакой кинематографической системы отсчета, которой она могла бы следовать. Насколько ей известно на основе всего, что она видела, ни одного фильма «Я-позволила-своему-лучшему-другу-быть-убитым-и-теперь-не-могу-функционировать-как-нормальный-человек» просто не существовало.

Поэтому она осталась в машине, все еще пристегнутая ремнем безопасности, и пыталась взять себя в руки. Она беспокоилась, что проведет всю поездку вот так – нервная и взбалмошная; ее эмоции остры, как клубок колючей проволоки. Это заставило ее задуматься о решении покинуть «Олифант». Но не в смысле «почему она это сделала». В правильности своего поступка она была уверена. Она сомневалась в способе, выбранном для отъезда. Возможно, имело смысл все же подождать, пока освободится Робби, а не ехать с незнакомцем, который, если она продолжит в том же духе, действительно может высадить ее у черта на куличках. Возможно, несмотря на настойчивое желание уехать, она просто не была в полной мере готова совершить это путешествие с посторонним человеком.

Снаружи, в нескольких футах от входной двери магазина, стоял таксофон. Чарли начала рыться в рюкзаке в поисках мелочи, раздумывая, не позвонить ли Робби и не попросить ли его отвезти ее обратно в кампус. Она даже могла бы попытаться объяснить ситуацию, используя код, который он ей дал. Ситуация приобрела неожиданный поворот.

Да, не так. Во всех смыслах. Теперь все, чего она хотела, – это чтобы Робби отвез ее обратно в «Олифант». Это не так уж далеко. Всего тридцать минут. И когда они приедут, она будет ждать – просто ждать – до Дня благодарения.

Тогда она сможет вернуться домой и попытаться оставить все позади.

Приняв решение и вооружившись мелочью, Чарли отстегнула ремень безопасности, который быстро втянулся с пугающим щелчком. Когда она открыла дверцу со стороны пассажира, в салоне включился свет, окутав ее болезненно-желтым сиянием. Она начала вылезать, но остановилась, когда на стоянку въехала другая машина. Бежевый «Додж Омни», набитый подростками. Внутри пульсировала музыка, приглушенная дребезжавшими в такт окнами. Автомобиль с визгом остановился в двух местах от «Гранд АМ» Джоша, и с пассажирского сиденья тут же выскочила девушка. Из машины кто-то крикнул ей, чтобы она взяла пакет кукурузных хлопьев. Девушка поклонилась и сказала:

– Да, моя дорогая, дражайшая!

Она была молода – самое большее семнадцать – и пьяна. Чарли поняла это по тому, как она шаркала к обочине в сапогах на высоких каблуках, ее облегающее мини-платье еще больше затрудняло движения. Разглядев ее, Чарли испытала болезненный укол. Воспоминания о Мэдди, тоже пьяной. Девушка даже немного походила на нее: светловолосая, с милым лицом. Их одежда, правда, была совершенно разной – Мэдди никогда бы не надела что-то настолько современное. Но в целом казалось, что их жизненные позиции совпадают. Смело, беспорядочно и громко.

Чарли полагала, что такая своего рода Мэдди есть в каждом городе, в каждом штате.

Целая армия дерзких блондинок, которые напиваются, раскланиваются на стоянках и подают своим лучшим друзьям на день рождения завтрак с шампанским и тортом, как Мэдди делала для Чарли каждый март. Эта мысль радовала ее – пока она не вспоминала, что теперь есть один город без Мэдди.

Хуже всего была музыка, которая лилась из все еще открытой пассажирской двери машины.

«Кьюр»

Just Like Heaven

Та самая песня, которая гремела в баре, когда Чарли бросила Мэдди ужасные слова, оказавшиеся для нее последними.

«Ты ужасный друг. Надеюсь, ты это знаешь».

За ними последовало, брошенное через плечо, как граната: «Отвали».

Чарли отшатнулась назад в машину и захлопнула дверцу. Всякое желание вернуться в «Олифант», пусть даже на ближайшие десять дней, исчезло. Если это был какой-то знак, что она должна продолжать двигаться вперед, Чарли услышала его громко и ясно. Так громко, что она закрыла уши руками, чтобы заглушить музыку, и убрала их только после того, как не-совсем-Мэдди вернулась в машину с ледяным голубым слурпи[26 - Slurpee (англ.) – эксклюзивная торговая марка «7-Eleven» для замороженных газированных напитков, созданная в 1966 году.], пачкой «Мальборо Лайтс» и пакетом кукурузных хлопьев для своей подруги.

Джош вышел из «7-Eleven», когда «Омни» уже выезжала со стоянки. Мужчина протиснулся в дверь, балансируя двумя огромными стаканчиками кофе, один на другом. Он придерживал их подбородком, его бумажник служил буфером между ним и пластиковой крышкой верхнего стаканчика. Когда он сходил с тротуара, эта импровизированная пирамида дернулась, бумажник выскользнул и с глухим шлепком упал на асфальт. На этот раз Чарли не потребовался кинематографический пример, чтобы понять: ей следует выйти из машины и помочь. Так она и поступила, пролепетав «Я подниму», прежде чем Джош успел опуститься на колени, чтобы взять бумажник.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Доска объявлений в кампусе, куда студенты, желающие уехать домой, вывешивают свои листовки для тех, кто едет в том же направлении и готов подвезти их за стоимость топлива.

2

Фраза, произнесенная Реттом Батлером, персонажем фильма «Унесенные ветром», в ответ на слова Скарлетт: «Куда мне идти? Что мне делать?»

3

Британская рок-группа, образованная в 1976 году в Лондоне.

4

Фильм Стивена Спилберга 1982 года, получивший четыре премии «Оскар».

5

«Касабланка» (англ. Casablanca) – голливудская романтическая кинодрама 1942 года режиссера Майкла Кертиса, с Хамфри Богартом и Ингрид Бергман в главных ролях.

6

«Какими мы были» (англ. The Way We Were, другие названия: «Такими мы были»; «Встреча двух сердец») – мелодрама режиссера Сидни Поллака 1973 года с Барбарой Стрейзанд и Робертом Редфордом в главных ролях.

7

Международные акции протеста против изнасилований. Термин «Вернем себе ночь» впервые использовала Анна Прайд в 1977 году на мемориальных чтениях на митинге против насилия над женщинами в Питтсбурге.

8

Ущелье на границе американских штатов Нью-Джерси и Пенсильвания, где река Делавэр пересекает Аппалачи.

9

Американская актриса, модель и танцовщица, которая была особенно популярна в 1930-1940-х годах.

10

Фильм-мюзикл, снятый в 1965 году Робертом Уайзом.

11

Ведущий американский еженедельник, освещающий события в мире шоу-бизнеса.

12

Фильм снимали в июле и снег имитировали с помощью мыльной пены, смешанной с противопожарной.

13

Носимая система стабилизации съемочной камеры для кино- или видеосъемки в движении.

14

Речь о фильме «Трамвай “Желание”», снятом в 1951 году, где Брандо сыграл главную мужскую роль.

15

Эксцентричная героиня одноименной комедии (США, 1958 год).

16

Фраза из фильма «Звездные войны».

17

Англ. Siskel & Ebert – телешоу, которое вели кинокритики Джон Сискел и Роджер Эберт.

18

Зимняя дыня.

19

Неофициальная ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Это название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах.

20

Ведущая актриса Голливуда.

21

Бабуля (англ.).

22

The Cure – британская рок-группа, образованная в 1978 году.

23

Дикая пивная вечеринка.

24

Малобюджетный фильм.

25

Оператор крупнейшей сети небольших магазинов в 18 странах под управлением Seven-Eleven Japan Co., Ltd.

26

Slurpee (англ.) – эксклюзивная торговая марка «7-Eleven» для замороженных газированных напитков, созданная в 1966 году.

Купить: https://tellnovel.com/seyger_rayli/perezhit-noch

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити